

М.Ю. ЧОТЧАЕВА

И.В. КЛЮЧНИКОВА

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
свободы личности в произведениях
современной русской литературы**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования и молодежной политики
Ставропольского края
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ставропольский государственный педагогический институт»

М.Ю. ЧОТЧАЕВА И.В. КЛЮЧНИКОВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ **свободы личности в произведениях современной русской литературы**

•

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Ставрополь, 2017

УДК 821.161.1
ББК 84
Ч 75

Рецензенты: **Степанова Татьяна Маратовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета;
Фокин Александр Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт».

Авторы-составители: **Чотчаева М.Ю.**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы;
Ключникова И.В., ассистент кафедры русского языка и литературы.

Чотчаева М.Ю., Ключникова И.В.
Ч 75
Художественное воплощение проблемы свободы личности в произведениях современной русской литературы : учебное пособие [Текст] / М.Ю. Чотчаева, И.В. Ключникова. — Ставрополь : Изд-во СГПИ; Дизайн-студия Б, 2017. — 90 с.

ISBN 978-5-6040510-1-6

В учебном пособии рассмотрено творчество авторов, в произведениях которых проблема свободы и несвободы личности в культурологическом и историко-литературном контекстах имеет ключевое значение. Предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов, учителей-словесников.

УДК 821.161.1
ББК 84

© Чотчаева М.Ю., Ключникова И.В., 2017
ISBN 978-5-6040510-1-6 © Ставропольский государственный педагогический институт, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	4
Тема 1.	Генезис лагерной темы в русской литературе.	7
Тема 2.	Художественное и философское осмысление концепции свободы личности в «лагерной про- зе» Варлама Шаламова	16
Тема 3.	Трагедия личности и диалектика свободы в «лагерной прозе» А.И. Солженицына	29
Тема 4.	Г. Владимов «Верный Руслан»: дрессировка сознания людей в пространстве несвободы	44
Тема 5.	Женские образы в «лагерной прозе»	53
Тема 6.	Художественное осмысление «подпольного человека» в романе Б.Н. Ширяева «Неугаси- мая лампада»	62
Тема 7.	Трагедия свободной личности в романе М. Бойкова «Люди советской тюрьмы»	69
Тема 8.	Проблема свободы личности в книге Г.А. Бе- ликова «Безумие во имя утопии или ставро- польская Голгофа»	73
Тема 9.	Проблема личной свободы в произведениях о каторге и ссылке второй половины XX века	79
	ЛИТЕРАТУРА КО ВСЕМ ТЕМАМ	87

ВВЕДЕНИЕ

XX век оказался для России одним из самых сложных исторических периодов за все годы ее существования. Три революции, две Мировые войны, две смены политического строя оставили глубочайший след в общественной жизни Российского государства, внося порой коренные изменения в устоявшееся восприятие действительности. Это не могло не сказаться на общей культурной ситуации в стране, и, в большей части, на литературе, которая в итоге предстала перед читателем многополярной, очень разной, более ориентирующейся на современность, нежели на традиции предшествующей литературы. Смещение акцентов в вопросах нравственности, потерянности человека в постоянно меняющихся обстоятельствах, зыбкость существования, отсутствие подлинной свободы — вот что сопровождало людей на протяжении всего XX века и стало предметом изображения в литературных произведениях.

В прошлом веке значительно возросло внимание к критерию свободы в литературе. Русская гуманистическая и общественно-философская мысль закономерно шла к соединению истории природы и общества, их трансформации в единую, всеохватывающую историю Человека, установив, что понятие свободы по своему содержанию нейтрально, свобода, взятая сама по себе, ни плоха, ни хороша.

Своеобразие русской философии в трактовке темы свободы личности созвучно с художественной культурой, идеями великих русских писателей (Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.). Эта линия, продолжившаяся и в XX веке, включает помимо вышеобозначенной, осмысление таких проблем, как отчуждение человека, его ответственность, соотношение между научным, социальным и нравственным прогрессом.

История России и сопредельных народов за долгие века их совместного существования была полна драматических конфликтов, основанных на попирании свободы, что всегда находило духовный эквивалент в отечественном литературном творчестве. Как известно, любое литературное произведение в той или иной степени отражает реальную дейс-

твительность. Прошлый век привнес в историческое развитие России новые черты и приметы, истоки которых необходимо искать в становлении и развитии российского общества. Если общество представляет собой систему отношений, то субъектом этих отношений является конкретный человек, индивидуальность, личность. С этих позиций становится очевидным соотношение личности и общества как соотношение внутреннего и внешнего. Следует отметить, что в России существовало противоречие между тоталитарным обществом и свободолюбивым народом. «Философ свободы» Н.А. Бердяев как-то писал: «Россия — страна безграничной свободы духа...». Ее русский народ «никогда не уступит ни за какие блага мира», не предпочтет «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства... Россия — страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник — самый свободный человек на земле... Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей» [10, 323].

Возможно, именно поэтому взаимоотношения личности и общества в условиях российской государственности складывались далеко не однозначно. Хотя Россия и воспринимается многими мыслителями как «цитадель свободы», однако же, на протяжении всей ее истории для российского общества было характерно тоталитарное государственно-политическое устройство. От древнерусских князей вплоть до конца XX века государственность в России держалась на отношениях авторитета и на нескольких священных незыблемых идеях — символах. Это парадоксальное сочетание «безграничной свободы духа» и стремление подчиниться авторитету, характерное для русского народа, является величайшей культурно-исторической загадкой России, корни решения которой следует искать, по-видимому, в самой истории нашего государства.

Партийно-государственный абсолютизм в Советском Союзе сформировался, опираясь на традиции российской истории, в которой тенденции к государственному абсолютизму всегда были особенно сильно выражены: царская власть глубоко вторгалась во все сферы жизни общества, легитимировала сословные различия, и, опираясь на религиозное мировоззрение, в огромной степени регламентировала всю духовную жизнь России.

По этому же пути развивался партийно-государственный строй в советской России. Его утверждение явилось своеобразной реставрацией определенных элементов феодально-сословной системы организации общества. С самого начала своего формирования и становления

партийно-государственный абсолютизм в России XX века имел в своей идеологической и методологической основе марксистско-ленинскую концепцию социализма, которая декларирует осуществления идей социальной справедливости, социального равенства, социального развития человека, его прав и свобод, но не достигает их. Приоритетное значение уделяется преодолению классовой борьбы, непримиримости к «врагам», а нравственность и мораль низведены до уровня простой идеологической функции построения коммунизма. Во всей системе ценностей советского общества, во всей советской общественной практике реальный человек не занимает центрального места, он сдвинут на периферию, где хороший сам по себе лозунг «Все во имя человека, все во благо человека» совмещается с тотальным игнорированием его самоценности.

«Возникшая в стране система... была такова, что в ней все были винтиками, выполнявшими лишь вполне определенные функции и обязанные следовать лишь вполне определенным правилам игры. И человек, который этим неписаным, но хорошо всем известным правилам не следовал, автоматически системой отбраковывался. В системе не должно было быть личностей, она не могла взаимодействовать с личностями, в этом, может быть, и состояла её трагедия. И это касалось всех» [Бенедиктов, 1993, 36–38]. Это в полной мере нашло отражение в многочисленных и многообразных художественных решениях проблемы человеческой свободы и несвободы в русской литературе XX века.

ГЕНЕЗИС ЛАГЕРНОЙ ТЕМЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вопросы для обсуждения

1. Ф.М. Достоевский как основоположник темы каторги в русской литературе («Записки из Мертвого дома»).
2. Каторга в изображении А.П. Чехова («Остров Сахалин»).
3. Русская каторга 80–90-х годов XIX века в романе П.Ф. Якубовича «В мире отверженных».

Справочный материал

Проблема свободы личности во второй половине XIX века рассматривалась в общем контексте культурной ситуации, которая создавалась плюрализмом философских и неоднородностью эстетических концепций человека. Эти вопросы рассматривались и принципиально по-разному решались народническими теоретиками (П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, Н.К. Михайловский), неославянофильством (К.Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов, Н.Я. Данилевский), правым гегельянством (П.Г. Редькин, Б.Н. Чичерин), православно-нотеистической философией (О.М. Новицкий, С.С. Горецкий, П.Д. Юркевич), представителями русского мистицизма (А.С. Хомяков); кроме того существовала философско-религиозная концепция Всеединства В.С. Соловьева [Берковский, 1975: 25].

В философии, этике, литературе, критике, публицистике этого времени концентрируются понятия свободы, самоутверждения, общественно-нравственного долга, смысла жизни, с одной стороны, и индивидуализма личности, с другой. Они оказались в центре художественно-философских и публицистических произведений многих писателей (например, в «Гамлете и Дон-Кихоте» Тургенева, цикле «Капризы и раздумья» Герцена, в «Дневнике писателя» Достоевского, в статье

ях Л. Толстого «Царство Божие внутри нас», «В чем моя вера», «Исповедь»). Буржуазные отношения лишали идею человека гуманистической составляющей, усиливали тенденции отчуждения, порождали релятивизм нравственных ценностей, рост индивидуалистического сознания. Еще в начале 1860-х годов в отделах публицистики и критики российских журналов рассматривались вопросы «глумления над человеческой свободой» (например, в статьях Е. Бонмера, опубликованных в «Русском вестнике», 1861, №5, с.16). Рассмотрение данной проблемы мыслителями, философами, публицистами, писателями самых разных ориентаций одновременно говорит о том, что проблема свободы человека (личности) приобретает статус центральной не только для литературы, но и для русской культуры в целом. Естественно, что такой выдающийся писатель и мыслитель, как Ф.М. Достоевский не остался равнодушным к одной из центральных проблем своей эпохи. Творчество Достоевского сосредоточено вокруг вопросов философии духа, — это темы антропологии, философской истории, этики, религии, свободы личности. А.М. Буланов писал: «Известно, что проблема свободы является одной из важнейших в художественной метафизике Достоевского. Однако до последнего времени атеистическое литературоведение истолковывало проблематику свободы в крайне упрощенном смысле, не принимая в расчет ее совершенно особое место в православии» [Буланов, 1994, 2]. Свобода, по мнению Достоевского, — это онтологическая основа личности, ее неотъемлемая, Божественная ипостась. Никакое мироустройство не должно отнимать у личности духовную свободу, иначе это приведет к трагедии.

Свою концепцию свободы Достоевский отразил в романе в двух частях «Записки из Мертвого дома», который стал печататься в 1860-м году в газете «Русский мир». Первые главы были перепечатаны в журнале братьев Достоевских «Время», и весь роман был напечатан в нем в течение 1861 и 1862 года.

За Достоевским к теме сибирской каторги обращаются писатели В.Г. Короленко, С.В. Максимов, Г.И. Успенский, А.П. Чехов, совершивший поездку в Сибирь и на Сахалин в 1890 г. Результатом этой поездки явились очерки «Из Сибири» и книга «Остров Сахалин». Перед поездкой на Сахалин Чехов изучал труды по истории русской и зарубежной тюрьмы и ссылки, перечитывал «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Впечатления от чтения последних были, по-видимому, глубокими, т.к. сравнение сахалинской каторги с «Мертвым домом» не раз встречается на страницах книги «Остров Сахалин». Творчество А.П. Чехова в отношении реализации проблемы свободы личности оказывается исключительно важным.

Достоевский, попавший на каторгу поневоле, и Чехов, исследовавший Сахалин как ученый и литератор, фокусируют свое внимание на общей проблеме — человек в условиях несвободы.

«Записки из Мертвого дома» — итог десятилетних размышлений Ф.М. Достоевского на каторге и в ссылке, главной идеей которых писатель объявил идею свободы личности. Сама жизнь устроила для Достоевского эксперимент, из которого выросла его философия. Первые впечатления от каторги были испуг, удивление и отчаяние; понадобились годы, чтобы поверить в новую действительность и понять ее. И вот постепенно все страшное, чудовищное и таинственное, что окружало его, стало яснеть в сознании. Он понял, что весь смысл слова «арестант» означает человека без воли и что все особенности каторги объясняются одним понятием «лишение свободы». Казалось, он мог знать это и раньше, но, замечает Достоевский, «действительность производит совершенно другое впечатление, чем знание и слухи». В «Записках из Мертвого дома» Достоевский показывает, что свобода — неременное условие живой жизни, онтологическая реальность человеческой природы, ее внутреннее, глубинное свойство. Тюремную крепость он назвал Мертвым домом потому, что «почти всякое самовольное проявление личности в арестанте считается преступлением», что здесь «вынужденное общее сожительство» [Достоевский, 61].

Лишение свободы одновременно являлось и вивисекцией человеческого достоинства. Оставляя заключенным жизнь физиологически, закон лишал их звания человека. Право глумления над человеческой личностью становилось основой наказания в остроге. Вследствие этого, каторжники и воспринимались как живые и неживые одновременно люди.

Достоевский утверждает, что никакими силами невозможно убить в человеке жажду свободы, тоску по воле и что живая жизнь нигде, даже в тюремных условиях, немислима без «своей собственной, внутренней жизни», которая складывается помимо «официальной». Автор не преувеличивает ужасов каторжной жизни: работа в мастерских не показалась ему слишком тяжелой; пища была сносной; начальство, за немногими исключениями, гуманным и благожелательным; в остроге разрешалось заниматься любым ремеслом, но и это было в тягость: «Казенная каторжная крепостная работа была не занятием, а обязанностью, арестант отработывал свой урок или отбывал законные часы работы и шел в острог. На работу смотрели с ненавистью» [Достоевский, 65].

Такие же примеры приводит Чехов в «Острове Сахалине», описывая человека, наотрез отказавшегося работать на каторге: «Это каторжный, старик, который с первого же дня приезда своего на Сахалин отказался работать, а перед его непобедимым, чисто звериным упрямством спасовали все принудительные меры; его сажали в темную, несколько раз секли, но он стойчески выдерживал наказание и после каждой экзекуции восклицал: «А все-таки я не буду работать!» [Чехов, 133]. Такое отношение к работе было характерно и для заключенных Омского

острога. Находясь в условиях несвободы, они с ненавистью относились к принудительным занятиям, но, таясь от начальства, работали охотно, если могли заработать на этом деньги для себя: «Тут были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и резчики, и золотильщики. Был один еврей, Исай Бумштейн, ювелир, он же и ростовщик. Все они трудились и добывали копейку. Заказы работ добывались из города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишённого совершенно свободы, они дороже вдесятеро» [Достоевский, 17].

Без денег нет могущества и свободы: «Деньги... имели в остроге странное значение, могущество. Положительно можно сказать, что арестант, имевший хоть какие-нибудь деньги в каторге, в десять раз меньше страдал, чем совсем не имевший их, хотя последний обеспечен тоже всем казенным, и к чему бы, кажется, иметь ему деньги? — как рассуждало наше начальство... К деньгам арестант жаден до судорог, до омрачения рассудка, и если действительно бросает их, как щепки, когда кутит, то бросает за то, что считает еще одной степенью выше денег. Что же выше денег для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободе» [Достоевский, 65–66].

Таким образом, проблема свободы личности выступает у Достоевского как практически независимая ни от условий, в которых живет человек, ни от социального строя. Это наблюдение писателя вступает в противовес с популярной тогда теорией общественного договора, согласно которой свобода является отсутствием внешних ограничений на реализацию сознательных действий человека. Эту теорию поддерживали такие мыслители, как Г. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.

Характерно, что у людей разных сословий, оказавшихся на каторге и вынужденных проживать вместе, проявляется одинаковое отношение и к деньгам, и к работе. Дворянин Горянчиков относится к работе резко отрицательно, хотя физически работа не кажется ему тяжелой, она не допускает возможности свободного выбора: «Самая тяжелая работа, например, показалась мне вовсе не так тяжелою, каторжною, и только довольно долго спустя, догадался, что тяжесть и каторжность этой работы не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она — принужденная, обязательная из-под палки. Мужик на воле работает, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночам, особенно летом; но он работает на себя, работает с разумной целью, и ему несравненно легче, чем каторжнику на вынужденной и совершенно бесполезной для него работе. Мне пришло раз на мысль, что если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмысленности» [Достоевский, 20].

В преступниках из народа Достоевский заметил «вовсе не принижение, а чувство собственного достоинства». Автор говорит, что «арестант ужасно любит... уверить даже себя, хоть на время, что у него воли и власти несравненно больше, чем кажется», он инстинктивно стремится к «возвеличиванию собственной личности, хотя бы призрачному» [Достоевский, 37].

К физическим страданиям (шум, чад, вонь, холод, теснота) люди как-то привыкают. Мука каторги не в этом: она в неволе. Из тоски по свободе вытекают все особенности характера каторжников. Арестанты большие мечтатели. Оттого они так угрюмы и замкнуты, так боятся выдать себя и так ненавидят болтунов-весельчаков. В них есть какое-то судорожное беспокойство, они никогда не чувствуют себя дома в остроге, враждуют и ссорятся между собой, т.к. сожительство их вынужденное: «Черт трое лаптей сносил, прежде чем нас собрал в одну кучу!» — говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, свара, злость были всегда на первом плане в этой кромешной жизни» [Достоевский, 12].

«Кромешная жизнь», — пишет Достоевский, употребляя слово, обозначающее мрак, беспросветную темноту для характеристики каторжной жизни.

Эту же кромешную жизнь в условиях несвободы наблюдает на Сахалине и А.П. Чехов. Закоренелым преступникам Чехов в своей книге уделяет не так много внимания. Больше его интересуют такие заключенные, как Егор, скромный, работающий мужик, попавший на каторгу случайно, или бродяга Никита Трофимов, прозванный Красивым, вся вина которого состояла в том, что он не вынес тяжести военной службы, предпочтя ей каторгу. Так рассказ о жизни каторжников оборачивается размышлениями об участи простых русских людей, в силу обстоятельств, трагически оказавшихся на каторге и тоскующих о свободе. Люди, оказавшиеся в неволе, мечтая о свободе, даже несколько романтизируют ее, что приводит к постоянным побегам и бродяжничеству, как в Омском остроге, так и на каторжном Сахалине.

Лишившись свободы, человек не может сразу и в полной мере принять свое новое состояние, отрицая его на подсознательном уровне, он стремится окружить свое несвободное бытие хоть какими-то элементами прежней, вольной жизни. Так, наряду с деньгами и работой на себя, суррогатом свободы в неволе является и праздник. Люди, попавшие в условия несвободы, так же, как и вольные люди нуждаются в празднике, поскольку он является одним из фундаментальных состояний человеческого бытия, наряду с такими, как любовь, подвиг, сон, болезнь, смерть. Основным элементом, системообразующим фактором праздника может являться ожидание чего-то большего, чем владеет человек в реальности, надежды на некое чудо. В празднике обнаруживается граница возможного, которую можно преодолеть событием чуда,

открывается жизненный горизонт личности, который может быть расширен и раздвинут вторжением сверхчеловеческого. Праздник — это не абстрактная идея, а реальность, так или иначе доступная всем и в любых условиях. И каторга, и тюрьма не лишают человека стремления к празднику. Для людей, чья свобода ограничена, праздник является одним из ее проявлений, возможностью выйти из-под контроля власти. В остроге праздник является временным отступлением от правил, допущением некоторого беспорядка для сохранения тотального порядка, удержания хаоса в приемлемых рамках. В одиннадцатой главе «Записок» выходом на свободу, дающим ощущение праздника является искусство. Для арестантов прелесть театра заключается в том, что на сцене у них возникает иллюзия полноценной человеческой жизни. Описывая каторжный театр в «Записках из Мертвого дома», Достоевский показывает талант и выдумку актеров. Люди, лишённые свободы, томятся, заводят бессмысленные ссоры, работают с отвращением, но если им позволят проявить свою инициативу, то они сразу преобразуются. Арестанты сами изготовили декорации, сшили занавес, поразивший впечатление Горяничкова. Перед встречей Рождества в Омском остроге настроение каторжан резко менялось, им вспоминался дом, праздники на воле. Целый день арестантов не покидала надежда на чудо. Никто толком не мог объяснить, чего он ждал, но все надеялись на что-то светлое и прекрасное. Но день проходил, и ничего не менялось. Праздники заканчиваются, а тоска и неволя сопровождают арестантов постоянно.

Достоевский считал, что именно свобода — то самое духовное свойство человека, которое уподобляет его Творцу, дает возможность постигать красоту и истину, самому выступать в роли творца. Более того, именно свобода рождает в человеке потребность к самосовершенствованию через осознание собственной ответственности за все совершаемое им. Какая радость и оживление царят в остроге при покупке коня! Арестанты понимают свою ответственность за общее дело, торгуются, исследуют лошадей совсем как «вольные люди». Из всего этого можно сделать вывод, что своеобразным выходом на свободу является для арестантов все то, что как-то связывает их с нормальной жизнью: «Только немного позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть час не по острожному — и человек нравственно меняется, хотя бы на несколько только минут» [Достоевский, 129–130].

Такую же «детскую радость» видел Чехов на лицах ссыльных во время венчания в г. Александровске: «Когда священник возлагал на головы жениха и невесты венцы и просил бога, чтобы он венчал их славою и честью, то лица присутствующих женщин выражали умиление и радость, и, казалось, было забыто, что действие происходит в тюремной церкви, на каторге, далеко-далеко от родины». Но эта радость не-

долгая, вскоре она сменилась грустью и тоскою: «Когда после венчания церковь опустела, и запахло гарью от свечей, которые спешил тушить сторож, то стало грустно» [Чехов, 304].

Оба писателя считают, что настоящая радость и праздничное настроение на каторге невозможны. Можно ненадолго забыть, но по-настоящему радоваться нельзя, так как для этого нужна свобода. Мотив свободы проходит через все содержание книг «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин», их построение во многом определяется этим идейным замыслом.

По мнению Ю.В. Селезнева, «воля, свобода — главная и высшая идея «Мертвого дома» [Селезнев, 1980, 54]. Это же можно сказать и о сахалинских произведениях Чехова. В самой метафоре «Мертвый дом», по мнению Т.С. Карловой, главным образом, является социально-политический и этический подтекст: «свобода — непереносимое условие жизни» [30; 135].

Так же, как у Достоевского, в противоборстве с отрицательным влиянием обстановки, начиная с материальной нужды, зависти, неблагодарности и т.п., вырабатывалось у Чехова сознание высочайшей морально-эстетической ценности чувства собственного достоинства, свободы и веры в человека. Чехов чувствовал прямую и глубокую связь между осознанием собственного достоинства с чувством независимости, свободы. В 1883 году он пишет брату Александру: «Ты не идешь против рожна, а как будто бы заискиваешь у этого рожна... В (заискивающем) протесте-то и вся соль жизни, друг» [Чехов, 16].

Ни один человек не может ощущать себя свободным, если он не принадлежит к сообществу других свободных людей, составляющих вместе с ним общество. Если осознание свободы является приметой духовной зрелости, то общество сможет состоять только из духовно зрелых людей. Люди, описываемые Достоевским и Чеховым, в большинстве своем не развиты духовно изначально, а попав в условия несвободы, многие из них только еще усугубляют свои недостатки, «вконец исподлились», — пишет Достоевский. Спасение от этого великий писатель видит в христианстве.

Для православного Достоевского Бог и его творение неотделимы, поэтому духовная свобода личности — это не только принятие Бога, путь добра, но и принятие Божьего мира. Любая вера, по мнению Достоевского, лишена любви к «живой жизни», не является подлинной, а лишь ведет к духовной несвободе. Для Достоевского одна из главных трагедий — это соотношение личности и общества. Достоевский отвечает на вопрос идеалистически, религиозно. Он не видит решения этого вопроса в других сферах. Достоевский признавал за народом стремление к справедливости и связывал это с религией, так как считал, что вера в Бога основана также на желании бессмертия и справедливости.

Чехов в этом вопросе придерживается иной точки зрения. Вера, по мнению Чехова, мало исправляет людей. Пока человек терпит нужду, он еще как-то верит в Бога, потому что помощи ждать больше неоткуда, но стоит немного разбогатеть, как о Боге забывают. Наблюдая за мужиками, Чехов видел, что вера не мешала им пьянствовать, избивать своих жен и детей. Вера не облагораживала мужиков, не удерживала их от низких дел и поступков.

Чехов считал, что будущее России за образованием, просвещением, культурой, но, несмотря на безрелигиозное мировоззрение, он в споре с Л. Толстым высказывает такую мысль: «Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт» [Чехов, 666].

По мнению Ф.М. Достоевского, свобода — это высшая ценность, в которой человек подобен Богу, но она амбивалентна, потому что в ней самой таится опасность ее уничтожения. Следовательно, совершаемое человеком зло тоже есть доказательство того, что личности присуща свобода воли, составляющая онтологическое основание личности и доказывающая Божественное происхождение человека. Без свободы всякая жизнь мертва; вместилище людей, лишенных свободы, может быть только мертвым домом. В метафоре «мертвый дом» главным является именно социально-политический подтекст: свобода — неперемное условие жизни. Автор не довольствуется метафорическим изображением этой мысли и выносит подтекст в прямой текст книги, многократно повторяя, что свобода выше всего для арестанта. Эта мысль и составляет идейно-художественное средоточие книги, проявляясь в композиционной структуре, становясь основным принципом в раскрытии характеров, выступая как стимул развития сюжета.

По мнению великих писателей, свобода — высшая ценность, а личности присуща свобода воли. Человек для Достоевского и Чехова — существо творческое, вмещающее в себя бесчисленные возможности; подлинный расцвет личности связан с признанием родовых целей и ценностей, вершиной которых является свобода.

Литература

Художественные тексты

1. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15-ти т. Т. 3. — М.; Л.: Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1972. — С. 205–481.
2. Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения в 18-ти т. Т. 14–15. — С. 41–372.
3. Якубович П.Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. Т. 1–2. — М.; Л.: Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1964. — Т. 1. — 419 с.; Т. 2. — 414 с.

Учебная литература

1. Акелькина Е.А. Записки из Мертвого дома Ф.М. Достоевского: Пример целостного анализа художественного произведения: учеб. пособие для студ. филол. фак. — Омск: Изд-во Омского госуниверситета, 2001. — 32 с.
2. Акелькина Т.И. Некоторые особенности повествования в «Записках из Мертвого дома» // Проблемы метода и жанра. — Вып. 7. — Томск, 1980. — С. 92–102.
3. Акулова Л.В. Тема каторги в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX века. — М., 1988.
4. Акулова Л.В. Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов: (Традиции Достоевского в творчестве Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — М., 1988. — 24 с.
5. Альтман Б. Достоевский: по вехам имен. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. — 279 с.

Задания к практическому занятию

1. Охарактеризуйте специфику хронотопа в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского.
2. Как трансформируются социальные связи и отношения в условиях каторги? В чем специфика системы исполнения наказаний в XIX веке (составьте обзор по произведениям Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, П.Ф. Якубовича).
3. Опишите жанровое разнообразие произведений о каторге и ссылке, созданных в XIX веке. Укажите на особенности проявления авторской позиции в них.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Вопросы для обсуждения

1. Личная и творческая судьба Варлама Шаламова.
2. Философское осмысление реальности, попытка художественного исследования онтологического зла в «Колымских рассказах».
3. Жанровое своеобразие «Колымских рассказов»: документализм, фактографичность, философичность, психологизм, мифопоэтика, концепция «новой прозы».
4. Полемика В. Шаламова с А. Солженицыным.

Справочный материал

Варлам Тихонович Шаламов (5 июня [18 июня] 1907 — 17 января 1982) — русский прозаик и поэт советского времени, создатель одного из литературных циклов о советских лагерях.

Родился В. Шаламов в Вологде в семье священника, человека прогрессивных взглядов, поддерживавшего связи с местными ссыльными. Поэтому, неудивительно, что юношеским идеалом Шаламова были народовольцы. После окончания школы юноша уезжает в Москву, где в течение двух лет работает дубильщиком на кожевенном заводе в Сетуни.

В 1926 году Шаламов поступает в Московский университет на факультет советского права, активно участвует в жизни столицы, посещая митинги и литературные диспуты, демонстрации и чтение стихов.

19 февраля 1929 года Варлам Шаламов был арестован за распространение так называемого завещания Ленина («Письмо к съезду») и приговорен к трем годам лагерного заключения, которое отбывал на Вишере (Северный Урал).

В 1932 году Варлам Шаламов возвращается в Москву, работает в журналах, публикует статьи, фельетоны, очерки. В 1936 году его рассказ «Три смерти доктора Аустино» был напечатан в журнале «Октябрь».

1 января 1937 года Шаламов снова арестован, приговорен к пяти годам колымских лагерей, где работал на золотых приисках, в тайге, на угольных разработках Магаданской области.

В 1942 году он получил новый срок — 10 лет — за то, что назвал Бунина русским классиком, что было расценено как антисоветская агитация. И вновь арест, физические и моральные истязания, голод, холод, унижения...

В 1946 году врач А. Пантюхов, рискуя собственным положением заключенного-врача, направил Шаламова на курсы фельдшеров, в центральную больницу. Это спасло ему жизнь.

В 1951 году Варлам Шаламов был освобожден из лагеря, но уехать сразу не смог; только в ноябре 1953 года он приезжает в Москву, встречается с семьей, но жить здесь еще не имеет права (не был реабилитирован). Уезжает в Калининскую область, работает мастером на торфоразработках, затем агентом по снабжению и... пишет «Колымские рассказы» — панораму жизни, страданий и смерти людей в Дальстрое — лагерной империи на Северо-Востоке СССР, занимавшей территорию свыше 2 миллионов квадратных километров.

После реабилитации, в 1956 году, вернулся в Москву, начал работать в журнале «Москва» внештатным корреспондентом, печатал очерки.

В 1957 году журнал «Знамя» публикует стихи Варлама Шаламова, а в 1961 году выходит и первый сборник стихов «Огниво», в 1964 году — «Шелест листьев», в 1967 году — «Дорога и судьба». Однако рассказы Шаламова никто не решается написать, редакции их возвращают, и он тяжело это переживает, но продолжает работать.

В 1971 году Варлам Тихонович заканчивает работу над повестью «Черная Вологда», а в 1973 году завершены повести «Вишера» и «Федор Раскольников».

«Колымские рассказы» состоят из шести книг (включающих более 100 рассказов и очерков): «Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира», «Воскрешение лиственницы» и «Перчатка». Тему своей книги Шаламов определил так: «художественное исследование страшной реальности», «новое в поведении человека, низведенного до уровня животного», «судьба мучеников, не бывших и не умевших стать героями». Он характеризовал «Колымские рассказы» как «новую прозу, прозу живой жизни, которая в то же время — преображенная действительность, преображенный документ». Себя Шаламов сравнивал с «Плутоном, поднявшимся из ада». С начала 1960-х Шаламов предлагал «Колымские рассказы» советским журналам и издательствам, однако даже во время пика хрущевской десталинизации (1962–1963) ни один из них не смог пройти советскую

цензуру. Рассказы получили широчайшее хождение в самиздате (как правило, они перепечатывались на машинке небольшими порциями — по 2–3) и сразу же поставили Шаламова как разоблачителя сталинской тирании в неофициальном общественном мнении рядом с Александром Солженицыным.

Редкие публичные выступления Шаламова с чтением «Колымских рассказов» становились общественным событием (так, в мае 1965 писатель прочел рассказ «Шерри-бренди» на вечере памяти поэта Осипа Мандельштама, состоявшемся в здании МГУ на Ленинских горах).

С 1966 «Колымские рассказы», попав за границу, начинают систематически печататься в эмигрантских журналах и газетах (всего в 1966–1973 в журналах «Грани», «Посев», «Вестник Русского студенческого христианского движения», «Новом журнале» и газете «Новое русское слово» прошло 33 публикации рассказов и очерков из книги). Сам Шаламов к этому факту относился отрицательно (он мечтал увидеть «Колымские рассказы» изданными в одном томе и считал, что разрозненные публикации не дают полного впечатления о книге, к тому же делая их автора невольным постоянным сотрудником эмигрантской периодики).

В 1972 писатель на страницах московской «Литературной газеты» публично протестовал против этих публикаций. Однако когда в 1978 в лондонском издательстве ОРИ «Колымские рассказы» были, наконец, изданы вместе (том составил 896 стр.), тяжело больной Шаламов был этому очень рад.

Только через 6 лет после смерти писателя, в разгар горбачевской перестройки, стала возможна публикация «Колымских рассказов» в СССР (впервые — в журнале «Новый мир», №6 за 1988). Хлынувшие на страницы множества литературных журналов, они сыграли роль в изменении общественного сознания в стране, став одним из наиболее авторитетных свидетельств о преступлениях сталинской эпохи.

Период с начала 90-х годов прошлого века стал временем наиболее интенсивного осмысления В. Шаламова — писателя, поэта, публициста. Пик интереса к Шаламову объясняется в основном интересом к лагерной теме. Многие исследователи увидели в произведениях В. Шаламова не только и не столько свидетельства очевидца, сколько трагедию целого народа, воплощенную в богатом художественном материале, таящем ответы на сложные вопросы литературного творчества эпохи. Современная литературная критика уже не оспаривает мнение о принадлежности шаламовской прозы к художественной литературе. И тем не менее о Шаламове по-прежнему говорят в основном как о писателе — лагернике. Тематика его произведений, официальный запрет на их распространение, подпольное самиздатовское существование и активные публикации после смены власти в стране создали «Колымским рассказам» репутацию литературы свидетельства.

Конечно же, жизненным материалом «Колымских рассказов» служат сталинские лагеря, все те испытания, которые выпали на долю автора во время пребывания там. Но у Шаламова совершенно особый подход к лагерю и к людям, находящимся в заключении. Восемнадцать лет неволи Шаламов воспринимает как мировую катастрофу, он рассказывает о крушении мироздания, о разрушении человеческого в человеке, о пагубном влиянии несвободы на все конструктивные начала как в человеке, так и в обществе.

Задача Шаламова — не только и не столько обличение, а скорее, проблемы онтологического зла, неизбежно возникающего в условиях несвободы и в самом неприкрытом виде проявляющегося в лагере. Писатель рассматривает лагерь как своего рода модель человеческой жизни, когда ее вечные коллизии и противоречия доведены и обострены до крайнего предела. Лежащая на поверхности задача автора — очевидца трагических событий — обличение страшной Системы, ломающей человека, но более глубокая и долговременная проблема, ставящаяся в его произведениях — онтологическое зло, неизбежно покоряющее пространство несвободы. Описывая лагерь, Шаламов говорит о человеческой жизни как арене постоянной борьбы гуманистических идей и иллюзий, с одной стороны, и своекорыстных интересов, жестокости и подлости — с другой. В глобальном плане — это борьба онтологического добра и зла, являющаяся основной темой всего мирового искусства. К ней и считал причастным себя Шаламов — писатель и мыслитель, поэтому его поэтика — это поэтика не только и не столько лагерной, сколько вечной, глобальной темы.

Заявляя, что после двух мировых войн, революций, Колымы, Освенцима и Хиросимы читатель не может удовлетвориться старой русской прозой, Шаламов ставит перед собой задачу создания «новой прозы», более отвечающей духу времени. Эта «новая проза», по его словам, должна сочетать документальную достоверность с эмоциональной убедительностью.

К этой «новой прозе» писатель относит и свои колымские рассказы, которые, по его словам, являются «не документальной прозой, а прозой пережитой, как документ, без искажений «Записок из Мертвого дома». Книгу Достоевского Шаламов признает за изначальную точку отсчета, от которой отталкивается в своем творчестве.

А. Латынина считает, что «писатель, мемуарист, рассказчик в большинстве своем ставит вопросы, которые можно отнести к категории вечных, но специфический материал XX века внес в них свои оттенки» [32, 4]. Сходной точки зрения придерживаются другие литературоведы и современники Варлама Шаламова: Г. Померанц, Г. Трифонов, Е. Шкловский, Е. Волкова и др. Так, Шаламов постоянно решает вопрос о соотношении в человеке духовного и физического, природного и социального начал. Несвобода превращает человека

просто в тело, душа, к сожалению, побеждает редко — такой вывод делает В. Шаламов.

Сквозная тема «Колымских рассказов» — художественная картина мучительной судьбы человека XX в., захваченного в сети враждебных ему катаклизмов эпохи, помятого и растоптанного. Наблюдая за людьми, оказавшимися в состоянии несвободы, Шаламов делает вывод о том, что очень немного времени необходимо человеку, попавшему в нечеловеческие условия, для того, чтобы опуститься, потерять черты своей личности, разрушить стержень, на котором держалась его сущность. Но параллельно с этими горькими выводами, звучит в рассказах и благодарность людям: «Я помню все куски хлеба, которые я съел из чужих, не казенных рук...». В. Шаламов изобразил не только «за-человечность» (термин В. Шаламова), но и «сохранение человеческого» в мире несвободы. Хотя В. Шаламов наблюдает «распад» человеческой личности в условиях несвободы, который, к сожалению, преобладает.

В основе художественного мира «Колымских рассказов» лежит кольцевая модель, предполагающая художественное отображение жизненного пути человека, который не по своей воле был вынужден покинуть родной дом, семью, и попытался выжить в условиях несвободы, как физической, так и духовной. Персонажи В. Шаламова преодолевают границу между «чужим» и «своим» пространством, входят в «чужое» пространство, и, преодолевая границу, возвращаются в свое собственное пространство, но в новом качестве. Это пространство — особое царство несвободы, это шаламовская Колыма, состоящая из множества лагерей-островов. Именно Шаламов нашел эту метафору «лагерь-остров». (Впоследствии, А.И. Солженицын ввел образ-понятие «архипелаг ГУЛАГ» в русскую литературу). В точный и емкий образ острова, архипелага островов включена разрозненность, вынужденная изолированность и в то же время связанность единым пространством несвободы всех тюрем, лагерей, поселений, «командировок», «шарашек», которые входили в систему ГУЛАГа. У Солженицына «архипелаг» — это условный термин-метафора, обозначающий объект научно-публицистического исследования, а у Шаламова — это огромный целостный образ. В этом царстве несвободы все другое, отличное от привычного человеческого быта: природа, люди, судьбы, мысли, отношения, радости и печали.

«Концлагерь, заместивший собою всю страну, страна, обращенная в огромный архипелаг лагерей, — таков гротескно-монументальный образ мира, который складывается из мозаики «Колымских рассказов». Он по-своему упорядочен и целесообразен, этот мир» [Лейдерман, 1992, 245]. В его центре пытается выжить и физически, и духовно обыкновенный, нормальный человек, обычный интеллигент — врач, юрист, инженер, ученый, киносценарист, студент. Именно этот тип человека, не героя и не злодея, а рядового гражданина, вынужденного

выживать (или погибать) в условиях несвободы, Шаламов делает главным объектом своего исследования. Шаламов исследует процесс взаимодействия колымского узника с Системой не на уровне идеологии, даже не на уровне обыденного сознания, а на уровне подсознания — на зыбкой грани между человеком как личностью, еще сохраняющей способность мыслить и страдать, и тем безличным существом, которое, попав в состояние несвободы, уже не владеет собою и начинает жить животными рефлексам.

В «Колымских рассказах» благодаря особой организации пространства и системе образов-пейзажей, имеющих глубокие мифологические корни, постоянно возникают ассоциации с загробным миром. Попав в лагерь, заключенный оказывается в совершенно особом мире. Подобное представление о месте лишения свободы как «ином мире» характерно для «лагерной» литературы. Названия многих произведений, действие которых происходят в заключении, имеют семантику «иног» мира, например: «Мертвый дом» Ф.М. Достоевского, «В круге первом» А.И. Солженицына и др. Ассоциации с потусторонним миром можно найти в тексте довлатовской повести «Зона»: «Мы расстаемся под баскетбольными щитами. Зимней полночью они напоминают виселицы» [Довлатов, 1998, 58].

Этот «другой мир» очень похож на ад: персонажи Шаламова, ежедневно подвергаются физическим и душевным мукам, страдают от холода и голода, постоянно испытывают чувство обреченности. Не случайно сам Шаламов называл себя «Плутоном, поднявшимся из ада». Один из циклов «Колымских рассказов» даже называется «Левый берег»; известно, что Аид — подземное царство в мифологии древней Греции находилось на левом берегу реки Ахерон. Писатель, создавая подобную параллель, подчеркивал, что заключенный в момент ареста как будто пересекал границу между жизнью и смертью («Причал ада»).

Важную роль в создании аллюзии на мифологический сюжет о путешествии человека в загробный мир играют детали пейзажа, которые создают определенный подтекст, раскрывая при этом основную шаламовскую идею о том, что лагерь — это ад. Сравнение каторги с адом встречаем мы у Достоевского и у Чехова.

Существование персонажей В. Шаламова в особом, «ином мире» подчеркивается «...могильной замкнутостью пространства», которая становится постоянным и настойчивым мотивом в творчестве писателя [51; 186]. Заключенные ощущают себя заживо похороненными в лагере, который со всех сторон окружен серыми скалами, сверху пространство ограничено тяжелыми свинцовыми тучами, все вокруг темное, мрачное, зловещее.

В «Колымских рассказах» Шаламов подчеркивает, что лагерь — это обособленный мир, своеобразная ловушка не только для узников ГУЛАГа, но и для людей, попавших на Колыму по своей воле (рассказ

«Зеленый прокурор»). Но Колыма была хуже ада. В аду наказывают грешников, в аду мучаются виновные. Ад — торжество справедливости. Колыма — торжество абсолютного зла.

Время в этом царстве несвободы особенное, оно не движется, так как остановилось на отметке «сегодня», «сейчас». Именно это состояние времени и исследует писатель. Лагерь поглотил всякое иное временное и пространственное существование, заключенные сами уже не очень-то верят в то, что у них была когда-то другая жизнь («Заклинатель змей»). В лагере существует лишь одна временная характеристика: человек, пробывший здесь год, уже не может адекватно воспринимать мир и самого себя, он становится «доходягой» («Ночью», «Плотники», «Посылка»). «Месяцы на Крайнем Севере считаются годами — так велик опыт, человеческий опыт, приобретаемый там» («Последний бой майора Пугачева»).

В этом пространстве и в таком времени протекает годами жизнь заключенного. Здесь сложился свой уклад, свои порядки, своя шкала ценностей, своя социальная иерархия. Шаламов с дотошностью этнографа описывает этот уклад.

Вспоминая лагерь, Шаламов не столько сосредотачивает внимание на описании голода, холода, бесправия, в большей степени его интересует, как существование в условиях несвободы сказывается на личности человека. Шаламов, вслед за Достоевским и Чеховым, констатирует тот факт, что в антимире Колымы, где все направлено на попрание, растаптывание достоинства узника, происходит уничтожение личности («Ночью»). Обезличенные заключенные приходят к такому состоянию, когда исчезает основной инстинкт жизни: человека даже собственная смерть ничуть не волнует («Одиночный замер»). Безыллюзорно, жестко пишет Шаламов о расчеловечивании человека системой ГУЛАГа. В отличие от А.И. Солженицына, В.Т. Шаламов делает объектом постижения не Систему, а человека в жерновах Системы. Шаламова интересует не то, как работает репрессивная машина ГУЛАГа, а то, как «работает» человеческая душа, помещенная в условия несвободы. Варлам Шаламов бесстрашно идет до конца в своем описании человека в лагере. Он бесстрашен не в описании лагерных ужасов, жестокости или мучений. В числе очень немногих писателей прошлого века, рассказавших о советских и гитлеровских лагерях, Шаламов не боится сказать страшную правду: лагерь — место, в котором люди без морали, палачи создают условия, в которых отказываются от морали и жертвы.

Одним из самых пагубных результатов пребывания человека в условиях несвободы, В. Шаламов считает победу злого начала в его природе над добрым. Силы зла, утверждал Шаламов, при известных обстоятельствах способны сломить и разрушить в любом человеке всё. Ибо возможности человека конечны, а зло может быть бесконечным, все-

могущим, беспредельным. И там, в эпицентре зла, человек — заживо или нет — гибнет.

Варлам Шаламов спрашивает, почему в лагере люди живут в условиях, в которых человеческая жизнь невозможна? Одних, очень немногих, поддерживает вера в Бога. По-видимому, Шаламов чтит христианские заповеди, о чем свидетельствуют часто встречающиеся в «Колымских рассказах» библейские ассоциации (один из персонажей-двойников автора носит фамилию Крист, евангельские темы часто присутствуют в названиях рассказов: «Апостол Павел», «Житие инженера Кипреева», «Прокуратор Иудей», «Необращённый»). При этом Шаламов (как свидетельствуют его рассказы) не принимал великую христианскую идею — идею всепрощения, но окончательных ответов на этот вопрос у Шаламова нет. Бога нет, — считает он, но есть верующие в Бога, и оказывается, что это самые достойные люди из тех, с кем приходилось встречаться на Колыме: «Та безрелигиозность, в которой я прожил сознательную жизнь, не сделала меня христианином. Но более достойных людей, чем «религиозники», в лагерях я не видел. Растление охватывало души всех, и только «религиозники» держались. Так было и пятнадцать, и пять лет назад» («Курсы», «Апостол Павел»). В письме к Б. Пастернаку, датированном январем 1954 года, Шаламов приводит следующее свидетельство духовной стойкости человека: «А как же быть мне, выдавшему богослужение на снегу, без риз, среди тысячелетних лиственниц, с наугад рассчитанным востоком для алтаря, с черными белками, пугливо глядящими на такое богослужение...» [Переписка Б. Пастернака, 1990, 544].

подавляющее большинство живет, ибо надеется на то, что освобождение возможно. Шаламов видит в такой надежде зло, ибо она крепче лагерной проволоки держит людей в рабстве. «Надежда, — говорит один из заключенных, — всегда кандалы для арестанта. Надежда — всегда несвобода». Отвергая надежду как зло, как обман, писатель противопоставляет ей волю к свободе. Главный герой книги, который появляется в рассказах под разными именами — Андреев, Голубев, Крист, Шаламов, — говорит о себе: «Я никогда не был вольный. Я был свободный во все взрослые годы моей жизни». И если есть воля к свободе, говорит Шаламов, может произойти воскрешение человека. Шаламову в высшей степени дорого все человеческое, оставшееся в людях в нечеловеческих условиях. Он приводит, казалось бы, самые незначительные свидетельства того, что Системе не удалось до конца «морозить в людских душах то первичное нравственное чувство, которое называют способностью к состраданию». Но, к сожалению, чаще происходит так, что люди, оказавшись в нечеловеческих условиях, начинают демонстрировать нечеловеческие качества. Те же проявления палача в человеке, которые наблюдали Достоевский и Чехов на каторге, видит Шаламов в лагере. Писатель убежден, что человеческая культура

оказалась «чрезвычайно хрупкой»: «Человек становится зверем через три недели — при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях» [Шаламов, 263]. Автор показывает, как в некоторых людях просыпается звериное начало, садизм становится неотъемлемым свойством человеческой натуры. В рассказе «Посылка» в эпизоде избияния заключенного его соседи по бараку, наблюдая за побоями, испытывали злобную радость: «в таких случаях радовались вдвойне: во-первых, кому-то плохо, во-вторых, плохо не мне» [Шаламов, 165]. В результате побоев, унижений, непосильной работы в заключенном подавлялась его индивидуальность, чувство собственного достоинства. Человеческая личность под воздействием злой силы, направленной на нее, теряла человеческие качества, присущие ей изначально.

В условиях несвободы смерть часто воспринимается как возможность выхода на свободу (подобный «выход» описывает и Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома»). В «Колымских рассказах» смерть также несет освобождение из колымского ада. Смерть становится наиболее ярким случаем пограничной ситуации для персонажей Шаламова. Так, в рассказе «Ягоды» смертью оканчивается попытка разомкнуть лагерное пространство несвободы для заключенного Рыбакова, который потянулся рукой к ягодам, растущим за границей зоны, и был хладнокровно застрелен конвоиром: «Рыбаков лежал между кочками неожиданно маленький. Небо, горы, река были огромны, и бог весть, сколько людей можно уложить в этих горах на тропках между кочками» [Шаламов, 95]. И один из персонажей рассказа «Сухим пайком», старый плотник Иван Иванович, предпочитает покончить с собой, а другой, студент Савельев, отрубил себе пальцы на руке, чем добровольно вернуться с «вольной» лесной командировки обратно за проволоку, в неволю.

Так же, как у Ф.М. Достоевского, выходом на свободу из царства несвободы в «Колымских рассказах» является общение с животными. Мотив противостояния «человечного» мира животных и «зверского» мира людей звучит в «Колымских рассказах» («Белка», «Медведи»). Звери в рассказах Шаламова показывали не только пример бесстрашия, подчас и человеческих чувств в них было больше, чем во многих персонажах «Колымских рассказов», утративших в лагере чувства жалости и взаимопомощи.

Художественное, слово, мировая культура для Шаламова также являются способами преодолеть несвободу, возвыситься над ней, да и элементарно выжить. Раздавленного государственной машиной, отправленного в колымский ад писателя не покидает трепетное отношение ко всему, что несет на себе печать духовной работы, что связано с культурой, с искусством: будь то роман Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», каким-то чудом оказавшийся в мире безвременья («Марсель Пруст»), или литургия Иоанна Златоуста, которая служится

прямо на снегу, среди колымских лиственниц («Выходной день»), или строчка из стихотворения полузабытого поэта («Почерк»), или письмо от Бориса Пастернака, полученное в колымской ссылке («За письмом»). Подобная система жизненных установок, где на первом месте стоят духовные ценности — мысль, культура, творчество, именно на Колыме была осознана Шаламовым как способ выживания, который может защищать человеческую личность от разложения, распада. Защищать не одного Шаламова, профессионального литератора, а любого нормального человека, обращенного в раба Системы, и не только в колымском «архипелаге», но везде, в любых бесчеловечных обстоятельствах. Мыслящий, обороняющий поясом культуры свою душу человек способен понимать то, что происходит вокруг. Человек понимающий — вот высшая оценка личности в мире «Колымских рассказов».

Характерной особенностью «новой прозы» Шаламова является ее глубокий философский подтекст. Своеобразие художественного метода, в основе которого лежит аутопсихологизм и имплицитно-подтекстовый способ изложения, дают возможность автору сочетать конкретность описания с наличием художественных деталей, «запрятанных» в текст и создающих психологизм и философичность повествования. В. Шаламов изображает существование «на грани»: его герои ведут запредельное человеческое существование в условиях несвободы в лагере. Поэтому экзистенциальные мотивы ада на Земле, абсурдного мира, одиночества, обреченности, воскресения, смерти становятся ключевыми в структуре повествования. Герои В. Шаламова постоянно находятся в пограничных ситуациях, характерных для философии экзистенциализма: в состоянии одиночества и обреченности. Лагерный мир лишил заключенного свободы, но и в этих условиях человек проявляет свою человеческую натуру.

В определении жанра своих прозаических произведений из цикла колымской серии В. Шаламов постоянно колебался: это не очерки — за исключением «Курсов», «Зеленого прокурора» «Очерков преступного мира»; это и «не рассказы как таковые», как писал он в письме А.А. Кременскому. «Стараюсь уйти от рассказа как формы», — пишет Шаламов Я.Д. Гродзенскому. В письме И. Сиротинской мы встречаем следующий комментарий: «В моих рассказах нет сюжета, нет так называемых характеров»; они держатся на «информации о редко наблюдаемом состоянии души... Как и всякий новеллист, я придаю чрезвычайное значение первой и последней фразе. Пока в мозгу не найдены, не сформулированы эти две фразы — первая и последняя, — рассказа нет. У меня множество тетрадей, где записаны только первая фраза или последняя, — это все работа будущего» [Шаламов, 59]. «Рассказы мои представляют успешную и сознательную борьбу с тем, что называется жанром рассказа» [Шаламов, 836]. Автор сознательно разрушает традиционный жанр, «подменяя» его другими, как, например, привне-

сение в историю майора Пугачева элементов героической баллады или построение рассказа «Инжектор» в форме донесения.

В «Колымских рассказах» можно разглядеть черты многих малых жанров прозы: острсюжетной романтической новеллы, физиологического очерка, стихотворения в прозе, психологического этюда, сценки, разных риторических жанров (сентенций, «опытов») и т. д. Встречается в шаламовской прозе и симбиоз новеллы со стихотворением в прозе («По снегу», «Стланик», «Чужой хлеб», «Припадок», «Тропа», «Водопад»), новеллистической повести — с эссе («Золотая медаль», «Перчатка»), рассказа — с памфлетом («Красный крест»). В «Колымских рассказах» присутствует лирико-философское размышление, романтическое признание, сатирическая картина и метафоричность. Причем все эти стилистические пласты скрепляются образами Андреева, Голубева, Криста. Замысел автора состоял в том, чтобы все шесть циклов выглядели единым произведением: «Композиционная цельность — немалое качество «Колымских рассказов». В этом сборнике можно заменить, переставить лишь некоторые рассказы, а главные, опорные, должны стоять на своих местах» [Шаламов, 54]. По справедливому утверждению Е.А. Шкловского, «Колымские рассказы» — это все же «искусство, в котором неразъемно сплавлены, «преображены» факт и вымысел, уникальная конкретика жизни и обобщение» [Шкловский, 1991, 256].

Как известно, русская литература XIX века последовательно проводила мысль о том, что даже в самых чудовищных условиях человек обязан остаться человеком. Пожалуй, впервые в литературе именно в прозе В. Шаламова нравственный аспект этой проблемы высвечен по-другому. Многие авторы «лагерной прозы» акцентировали внимание на том, как опасно в условиях заключения утверждать достоинство собственной личности. Шаламов показал гибельность процесса иной направленности — процесса разрушения личности. Сам писатель, несмотря на нечеловеческие условия существования, несмотря на голод, холод, никогда не опускал нравственную планку требовательности по отношению к себе. Он последовательно придерживался тех нравственных и моральных норм, которые определил для себя в прежней жизни. Колыма кристаллизовала его нравственный опыт, что нашло отражение в ряде колымских рассказов. В рассказах «Ночью», «Посылка», «Заклинатель змей» рельефно выявляется «разность правд» у доходяг, блатных, стукачей, начальства, бригадиров. Эти «правды» не соответствовали «правде» самого писателя. Его собственная правда — в прежних нравственных ориентирах.

Андрей Вознесенский как-то воскликнул: «Кто за нас может освоить наш чудовищный опыт несвободы и попытки свободы?» Шаламов своими «Колымскими рассказами», этот опыт освоил и дал нам к нему эстетический ключ [Лейдерман, 1999, 270].

Как справедливо заметил Ю. Шрейдер, для Варлама Шаламова не существует категории людей, для которых он бы посчитал колымские лагеря заслуженным местом пребывания. Это место вообще не для людей. Варлам Шаламов, проведенный в тюрьмах и лагерях семнадцать лет, почти через сто лет после Достоевского, считал лагерь отрицательным опытом для человека — с первого до последнего часа. Ни один человек не становится ни лучше, ни сильнее после лагеря. Такой опыт человечеству не нужен.

Литература

Художественные тексты

1. Шаламов В. Колымские рассказы. — М.: Издательство «Рипол Классик» 2016.

Учебная литература

1. Варлам Шаламов. 1907 г. — 1982: [электронный ресурс]. URL: <http://shalamov.ru>.
2. Волков О. Варлам Шаламов «Колымские рассказы» // Знамя. — 2015. — №2.
3. Есипов В. Провинциальные споры в конце XX века / В. Есипов. — Вологда: Грифон, 1999. — С. 208.
4. Колымские рассказы. — М.: Дет. лит., 2009.
5. Миннуллин О.Р. Интертекстуальный анализ рассказа Варлама Шаламова «Шерри-бренди»: Шаламов — Мандельштам — Тютчев — Верлен // Філологічні студії. — Криворожский национальный университет. — 2012. — Вип. 8. — С. 223 — 242.
6. Солженицын А.С. Варламом Шаламовым // Новый мир. — 1999. — №4. — С. 164.
7. Шаламовский сборник / сост. В.В. Есипов. — Вып. 1. — Вологда, 1994.
8. Шаламовский сборник / сост. В. В. Есипов. — Вып. 3. — Вологда: Грифон, 2002.
9. Шкловский Е. Правда Варлама Шаламова // Шаламов В. Колымские рассказы. — М.: Дет. лит., 2009.

Задания к практическому занятию

1. Приведите примеры из текстов «Колымских рассказов» В. Шаламова, иллюстрирующие лаконизм «новой прозы».
2. Прочитайте следующие цитаты:
«Лагерь — не противопоставление ада раю, а слепок нашей жизни и ничем другим быть не может...». «Я выработывал формулу активной защиты своего существования на горестной этой земле... Жить, выжить — вот задача. И не сорваться. Лагерь — это дно жизни. Преступный мир — это не дно дна. Это совсем, совсем другое, нечеловечес-

кое... На Колыме нет свободы... Правило из моего опыта такое: сначала надо вернуть пощёчины и только во вторую очередь — подаяния. Помнить зло раньше добра. Помнить всё хорошее — сто лет, а всё плохое — двести. Этим я и отличаюсь от всех русских гуманистов XIX и XX веков». Можно ли доказать справедливость этих высказываний, узнав о судьбе писателя и тех, кто не дожил до возмездия?

3. Выполните тест по рассказу В. Шаламова «Последний бой майора Пугачёва».

- 1. Майор Пугачёв в лагере был:**
а) поваром; б) фельдшером; в) бригадиром; г) механиком; д) культоргом.
- 2. Арестанты 30-х годов:**
а) прошли войну; б) были репатриантами; в) случайные жертвы.
- 3. Арестанты 30-х годов:**
а) поддерживали друг друга; б) были сильны духом; в) были разобщены.
- 4. Почему заключенные уносили хлеб с собой в барак, а не ели в столовой:**
а) чтобы продлить процесс еды; б) чтобы поделиться с другими; в) они наедались супом и кашей.
- 5. Репатриантов привезли в лагерь:**
а) летом; б) зимой; в) осенью; г) весной.
- 6. Что взяли с собой беглецы:**
а) сухари; б) консервы; в) галеты и шоколад; г) хлеб и колотый сахар.
- 7. Сколько было беглецов:**
а) 12; б) 13; в) 10; г) 14.
- 8. Майор Пугачёв бежал из немецкого лагеря:**
а) в 1941 г.; б) в 1943 г. в) в 1944 г.
- 9. Сколько лет дали Пугачёву за нахождение в немецком плену:**
а) 5; б) 10; в) 15; г) 25.
- 10. Куда направлялись беглецы:**
а) к железной дороге; б) к аэродрому; в) к морю; г) к тайге.
- 11. Кто погиб первым:**
а) Пугачёв; б) Хрусталёв; в) Левицкий; г) Малинин.
- 12. Кто из беглецов остался в живых:**
а) Хачатурян; б) Солдатов; в) Игнатович; г) Георгадзе.
- 13. Как погиб майор Пугачев:**
а) смертельно ранен в бою; б) застрелился; в) попал в медвежью берлогу и не смог выбраться; г) от голода в тайге.

Тема 3.

ТРАГЕДИЯ ЛИЧНОСТИ И ДИАЛЕКТИКА СВОБОДЫ В «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Вопросы для обсуждения

1. Личная и творческая судьба Александра Солженицына.
2. Эволюция лагерной темы в творчестве А. Солженицына.
3. «Архипелаг ГУЛАГ» как обобщение личного опыта автора и его современников, новое измерение советской истории как истории репрессий и лагерей, синтез документальности, публицистичности и художественной образности.

Справочный материал

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008). Родился 11 декабря 1918 года в Кисловодске через несколько месяцев после смерти отца. В 1924 году семья переезжает в Ростов-на-Дону; там в 1936 году Солженицын поступает на физико-математический факультет университета (окончил в 1941 году). В октябре 1941 года Солженицын был мобилизован; по окончании офицерской школы (конец 1942 года) воевал на фронте, а 9 февраля 1945 года Солженицын был арестован за резкие антисталинские высказывания в письмах к другу детства Н. Виткевичу, и содержался в Лубянской и Бутырской тюрьмах. 27 июля Александр Исаевич был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей (по статье 58, п. 10 и 11).

Впечатления от лагеря в Новом Иерусалиме, затем от работы заключенных в Москве (строительство дома у Калужской заставы) легли в основу пьесы «Республика труда» (первоначальное название «Олень и шалашовка», 1954).

В июне 1947 года писатель был переведен в Марфинскую «шарашку», позднее описанную в романе «В круге первом».

С 1950 году в экибастузском лагере (опыт «общих работ» воссоздан в рассказе «Один день Ивана Денисовича»); здесь он заболевает раком (опухоль удалена в феврале 1952 года).

С февраля 1953 года Солженицына отправляют на «вечноессыльнопоселение» в аул Кок-Терек (Джамбульская область, Казахстан).

В феврале 1956 года Солженицын реабилитирован решением Верховного Суда СССР, что делает возможным возвращение в Россию: он учителствует в рязанской деревне, живя у героини будущего рассказа «Матренин двор». С 1957 года Солженицын живет в Рязани, преподает в школе.

После падения Хрущева борьба против Солженицына нарастает: в сентябре 1965 года КГБ захватывает архив писателя; перекрываются возможности публикаций, напечатать удается лишь рассказ «Захар-Калита» («Новый мир», 1966, № 1); триумфальное обсуждение «Ракового корпуса» в секции прозы Московского отделения Союза писателей не приносит главного результата — повесть по-прежнему под запретом.

В мае 1967 года Солженицын в Открытом письме делегатам Четвертого съезда писателей требует отмены цензуры. Работа над «Архипелагом...» (закончен в 1968 году) и книгой о революции перемежается борьбой с писательским руководством, поиском контактов с Западом (в 1968 году «В круге первом» и «Раковый корпус» опубликованы за границей). В ноябре 1969 года Солженицын исключен из Союза писателей. После того, как за границей вышел в свет первый том «Архипелага», 12–13 февраля 1974 года Солженицын был арестован, лишен советского гражданства и выслан в ФРГ.

Из Германии писатель перебрался в Цюрих, но недолго прожив там, получив в Стокгольме Нобелевскую премию (декабрь 1975 года), в 1976 году переселяется в США. Основной работой писателя на долгие годы становится эпопея «Красное Колесо».

После краха советского режима, 27 мая 1994 года Солженицын возвращается в Россию. Проехав страну от Дальнего Востока до Москвы, он активно включается в общественную жизнь.

Сохранение человеческой души в условиях тоталитаризма и внутреннее противостояние ему — сквозная тема рассказов «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Матренин двор», повестей «В круге первом», «Раковый корпус», вбирающих собственный опыт Солженицына: участие в Великой Отечественной войне, арест, лагеря (1945–1953), ссылку (1953–1956). «Архипелаг ГУЛАГ» (1973 год, в СССР распространялся нелегально), — «опыт художественного исследования» государственной системы уничтожения людей в СССР, получил международный резонанс, повлиял на изменение общественного сознания, в т. ч. на Западе.

В статьях «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Жить не по лжи», «Письме вождям Советского Союза» (все — 1973 год) Солженицын предрекал крах социализма, вскрывал его нравственную и экономическую несостоятельность, отстаивал религиозные, национальные и классические либеральные ценности.

А.И. Солженицын скончался 3 августа 2008 года в Троице-Лыкове. Похоронен в некрополе Донского монастыря.

Повесть «Один день Ивана Денисовича» — первое произведение, в котором о лагерном мире была сказана неприкрытая правда. История обыкновенного человека, «мужика», находящегося в условиях несвободы, вызвала разную критическую оценку у литературоведов. В.М. Акимов в своей работе «Как «организовать себя снизу» — главное открытие рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» привел слова писателя из статьи «Русский вопрос к концу века»: «Наше закоренелое несчастное русское свойство: снизу мы все никак не научимся организовываться — а склонны ждать указаний от монарха или духовного или политического авторитета, — а их вот нет как нет, — мелюзговая суетня наверху». XX век ознаменовался разрушением традиционного народного уклада — уничтожением и самоуничтожением крестьянства. Проявлялась утопическая идея возникновения нового «советского народа». На деле же человек становился частицей одноликой массы. ГУЛАГ был наиболее последовательной реализацией этой идеи, превращая человека в «винтик», в «лагерную пыль». Однако Солженицын открыл в своем Иване Денисовиче способность сохранять чувство свободы [Акимов, 1995, 126]. В его жизни в лагере сосредоточен опыт не одного Ивана Денисовича, но и всего не сломленного народа. Судьба Ивана Денисовича — это духовное рождение новой народной личности.

В.М. Акимов отметил, что Иван Денисович есть великое открытие нашей литературы, личность, востребованная самой жизнью, в своей спасительной стойкости способная преодолеть трагическое, жестокое насилие истории — и в пределах своего «лагерного срока», и во всех превратностях всенародной — и каждой отдельной — судьбы.

Повествование об одном дне заключенного ведется довольно сдержанно, нарочито обыденно. Лишь один поворот лагерной темы изначально насыщен драматизмом (конфликтностью, проявляемой через действие), и это — попытка обретения свободы.

Действие протекает в лагере, который рисуется как особый мир, принципиально отличающийся от мира обыденного. В этом мире царят свои законы, здесь царствует несвобода. Само понятие лагеря в повествовании пространственно, оно подразумевает четкую обособленность и замкнутость. Пространство и время этого мира проявляют свою особенность в контрастном сопоставлении с другим или другими мирами. Так, главные свойства лагерного пространства — его отгороженность, закрытость и обзримость (стоящий на вышке часовой видит все) про-

тивопоставляют открытости и беспредельности свободного природного пространства — степи. Самая характерная черта лагерного пространства — ограждение (с постоянными деталями его устройства: сплошной забор — заостренные столбы с фонарями, двойные ворота, проволока, ближние и дальние вышки; и потому при освоении нового объекта «прежде чем что там делать, надо ямы копать, столбы ставить и колючую проволоку от себя самих натягивать — чтоб не убежать» [Солженицын, 126]. Структура этой фразы точно воспроизводит порядок и значение образа пространства: сначала мир описывается как закрытый, потом — как несвободный, причем именно на вторую часть падает основное ударение. П.А. Новикова считает это пространство не просто пространством несвободы, но и пространством смерти [Новикова, 2005, 14].

В пространстве несвободы человеческая жизнь не имеет никакой ценности. В «Колымских рассказах» смерть представлена как не событие, повествование не останавливается, «не спотыкается» о смерть. Здесь запоминается только первая смерть, или смерть близкого человека. Во всех остальных случаях — это сухая констатация факта. На Колыме умершие как бы остаются в лагерном пространстве, живые пытаются использовать их (получить на мертвого пайку, достать его вещи). У Солженицына о событии смерти маркировано ничего не говорится. При этом смерть даже «невинного работяги» не воспринимается как трагедия, об убийстве просто сообщается, как об обычной новости, несмотря на то, что подобные убийства «новы» для этого лагеря. П. Новикова замечает, что «Смерть в лагере не просто определена пространством, она оказывается самим пространством: она может наступить в любой точке на территории лагеря — он весь становится самой смертью. При этом каждый, кто находится в лагере, является потенциальным интенциональным «центром» — носителем смерти; любой может либо убить сам, либо спровоцировать смерть другого, либо донести на соседа по бараку» [Новикова, 2005, 16–17].

Другие свойства лагерного мира обнаруживаются во второй составляющей хронотоп характеристике — характеристике времени. Важность ее задана и в самом названии рассказа. И в композиционной симметрии начала и конца — самая первая фраза: «В пять часов утра <...>» — точное определение начала дня и — одновременно — повествования. А в последней: «Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый» — совпадают конец дня и собственно рассказа. Время в лагере оторвано от времени большого мира. Черда дней, смена времен года условны, значение имеет только то, что есть здесь и сейчас. Переживание времени в лагере при этом предельно субъективно: у каждого свои временные ориентиры, однако, точное представление о времени теряется у всех без исключения. Знание точного времени не имеет значения, важно лишь место, где заключенный будет работать, от места зависит протяженность его рабочего дня.

Оппозиция «своего — чужого» одна из основных в рассказе. Она может быть и пространственной (для Ивана Денисовича «свое» пространство — это прежде всего то место в бараке, где располагается его 104-я бригада; в санчасти он садится на самый краешек стула, «показывая невольно, что санчасть ему чужая»), и пространственно-временной — прошлое и родной дом — целостность его жизни — невозвратно отдалены и отчуждены от него. Прежнее домашнее пространство перестает быть родным, оно осознается как странное, сказочное. Дом — необходимая для человека данность — это не «там и тогда», а «здесь и сейчас», и потому домом становится лагерный барак. Так и говорят все — «домой». О другом доме за день и вспомнить некогда. Как понятие «дом» ведет за собой понятие «семья». Семейей называет бригаду Иван Денисович, так пространственно-временная антитеза «свое — чужое» естественно становится антитезой внутри мира людей. Она задается на нескольких уровнях. Во-первых, это наиболее предсказуемая оппозиция зеков и тех, кто отряжен распоряжаться их жизнью и свободой, — от начальника лагеря до надзирателей, охранников и конвоиров (иерархия не слишком важна — для зеков любой из них «гражданин начальник»).

Противостояние этих миров, социально-политических по своей природе, усилено тем, что дано на уровне природно-биологическом. Не случайны постоянные сравнения охранников с волками и собаками. Зеки же — беззащитное стадо. «Их пересчитывают по головам: <...> хоть сзади, хоть спереди смотри: пять голов, пять спин, десять ног»; «— Стой! — шумит вахтер. — Как баранов стадо. Разберись по пять!»; хлопц Голчик — «телёнок ласковый», «тонюсенький у него голосочек, как у козлёнка»; кавторанг Буйновский «припёр носилки, как мерин добрый» [Солженицын, 340].

По справедливому замечанию Т. Вознесенской, эта оппозиция волков и овец легко накладывается в нашем сознании на привычное басенно-аллегорическое противопоставление силы и беззащитности («Волк и ягненок»), или, как у Островского, расчётливой хитрости и простодушия, но здесь важнее другой, более древний и более общий смысловой пласт — связанная с образом овцы символика жертвы.

Для лагерной темы, общий сюжет которой — жизнь в царстве нежизни и несвободы и возможность (Солженицын) либо невозможность (Шаламов) для человека в этой нежизни спастись, сама амбивалентность символа несволи, соединяющего в себе противоположные смыслы смерти и жизни, гибели и спасения, тюрьмы и свободы, оказывается необычайно емкой.

Центральная проблема рассказа, совпадающая с проблематикой всей новой (с начала XIX века) русской литературы, — обретение свободы — приходит через проблему, которая осознается Иваном Денисовичем как главная для его жизни в лагере, — выживание. И чуть ли

не единственным средством, позволяющим человеку выжить, оказывается работа, труд. Работа определяет людей: Буйновский, Фетюков, баптист Алешка оцениваются потому, какие они в общем труде. Работа спасает от болезни: «Теперь, когда Шухову дали работу, вроде и ломоть перестало». Работа превращает «казённое» время в «свое»: «Что, гадство, день рабочий такой короткий?» Работа разрушает иерархию: «<...> сейчас работой своей он с бригадиром сравнялся» [Солженицын, 340]. И главное, она уничтожает страх.

Таким образом, в рассказе об одном дне жизни советского лагерника совершенно естественно смыкаются две большие темы русской классической литературы — искание свободы и святость народного труда.

«Архипелаг ГУЛАГ», являясь не единственным и далеко не первым произведением на «лагерную тему», занимает особое место в общественном сознании и у нас и на Западе. Более того, по мнению В. Чалмаева, словосочетание, являющееся названием книги, вошло в определенную знаковую систему XX века, став наряду с Освенцимом, Бухенвальдом. Хиросимой, Чернобылем, трагическим символом века» [54, 34].

«Архипелаг ГУЛАГ» — произведение, представляющее собой исключительный этап в писательской и человеческой судьбе А.И. Солженицына. Начиная с него, писатель отходит от традиционного беллетристического уровня литературы, вступая в более строгий и напряженный — художественное исследование на основе документальных свидетельств. В это время наиболее ярко проявляется такая особенность творческой манеры Солженицына, как разрушение привычных канонов беллетристики. В «Архипелаге» писатель осуществляет историческое исследование, используя методы художественного творчества, что явилось как новым этапом в писательской биографии Солженицына, так и определенным новаторством в истории русской литературы. Тем не менее, это произведение близко по ряду свойств и другим художественным текстам Солженицына. Во всех основных его произведениях («В круге первом», «Раковый корпус», «Красное колесо», «Архипелаг ГУЛАГ») проводится исследование души отдельного человека и целого народа. М. Геллер писал, что для книг писателя характерно «мучительно-страстное» отношение к героям своих произведений, как к отдельному человеку, так и к целому народу. Во всех этих произведениях присутствует свидетель, чье предназначение — рассказать страшную правду о пережитом. Как верно заметил Р. Темпест, «“Один день”, “В круге первом”, “Раковый корпус”, “Архипелаг”, — это попытка Солженицына по-библейски исполнить великий долг Свидетеля» [Темпест, 1993, 182].

Солженицын сам определял свою миссию следующим образом: «Моя литературная судьба — не моя, а тех миллионов, кто не доцарапал, не дошептал, не дохрипел своей тюремной судьбы...» [Солженицын, 1990, 60].

Жаркие споры по поводу жанра книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» не утихают и поныне. «Архипелаг» интересен, прежде всего, воздействием на нравственное состояние общества и этой, основной его задаче подчинено и жанровое его своеобразие. «Архипелаг» сложно отнести к какому-либо одному традиционному жанру, поскольку он включает множество жанровых составляющих, но в то же время представляет собой единство «мета-жанрового» характера.

Мета-жанр «художественное исследование» — совершенно новый жанр, появившийся в литературе XX века и, несмотря на научность названия, относящийся все же к литературе художественной: «Это нечто иное, чем рациональное исследование. Для рационального исследования уничтожено почти все: свидетели погибли, документы уничтожены. То, что мне удалось сделать в «Архипелаге», который, к счастью, имеет влияние во всем мире, выполнено методом качественно другим, нежели метод рациональный и интеллектуальный. ... Там, где науке не достает статических данных, таблиц и документов, художественный метод позволяет сделать обобщение на основе частных случаев. С этой точки зрения художественное исследование не только не подменяет собой научного, но и превосходит его по своим возможностям» [Солженицын, 331].

Несмотря на то, что произведение целиком построено на документах и свидетельствах, автор не случайно называет его «опытом художественного исследования»: «Художественное исследование — это такое использование фактического (не преобразованного) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединенных, однако, возможностями художника, — общая мысль выступила бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном».

Художественность «Архипелага ГУЛАГ» проявляется уже в монументальной архитектонике произведения, эстетическая организация текста обнаруживается в приемах градации, контраста ритмического чередования, в постоянных жанровых сменах от главы к главе. Но его трудно назвать однозначно художественным. Было бы правомерно вести речь об усложнении жанровой структуры в угоду требованиям времени, конкретным социальным и духовно-нравственным обстоятельствам.

Это исследование включает в себя множество жанровых составляющих, что придает ему определенную новизну. Характеризуя жанровую широту «Архипелага», Иосиф Бродский писал: «Беллетристическая технология сведена в «Архипелаг ГУЛАГ» к чисто функциональной роли, ибо литература в свете смерти попросту неадекватна. Солженицын начинал как нормальный романист, но, произведение за произведением, мы видим, что форма романа у него, так сказать, расширяется. Существует огромная стилистическая разница между «Одним днем» и «Раковым корпусом»; еще большая разница возникает между «Раковым корпусом» и «В круге первом». От первой книги к третьей мы ви-

дим отчетливое размывание границ жанра новеллы. «Архипелаг» знаменует собой полный отказ от нее. Ибо в человеческом Аду больше кругов, чем в Господнем» [Бродский, 1999, 4].

Е.Р. Пономарев в работе «Архипелаг ГУЛАГ» в контексте лагерной прозы» заметил, что эта книга А.И. Солженицына — едва ли не пик лагерной прозы. «Архипелаг» сделал из лагерной темы лагерную литературу со своей особой системой идей, особой поэтикой, впервые совместив новизну содержания с новизной формы. Как бы восстанавливая древнюю фольклорную традицию, Солженицын свел воедино огромное количество устных рассказов очевидцев — выживших эзков [Пономарев, 1990, 206].

Оценивая «Архипелаг ГУЛАГ», В.А. Котельников заметил, что вместе с «Красным Колесом» это произведение продолжает линию русского народно-почвенного эпоса, наследуя поэмам Н.А. Некрасова, «Запискам из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, Льву Толстому. Но не менее существенны именно в «Архипелаге...» возникающие отзвуки средневекового эпоса о «погибели Русской земли», о кознях, борьбе, смерти, о разорении общественного и душевного уклада людей. Трагизм героики и жертвенности соединяется здесь с всеобъемлющей основательностью летописного сказания.

«Архипелаг ГУЛАГ» — беспрецедентное по жанру полифоническое многоаспектное произведение, на страницах которого автор изложил, прежде всего, свой личный опыт и, одновременно, опыт исторический, который пришлось пережить всей стране. Открыто рассказывает писатель об изменении своих взглядов, убеждений от приверженца марксизма до независимого писателя-пророка, писателя-судьи. Авторский статус в данном произведении весьма многогранен, а жанровая полифоничность сочетает в себе также элементы исповеди, автобиографического романа и исторического романа-хроники. Солженицын не сводит свое произведение к политическому обличению. Он раскрывает свою главную тему — тему правды о человеческой душе. Человек постоянно сталкивается с проблемой выбора между добром и злом, то есть решает фундаментальные вопросы бытия. Во внутренней структуре произведения органично сливается личное и историческое начало.

Ж. Нива называет «Архипелаг ГУЛАГ» «энциклопедией советской каторги», вычлняя в ней следующие составляющие: «исторический очерк, судьба отдельно взятого каторжника, этнография ГУЛАГа, моральная роль каторги, хроника восстаний» [Нива, 71].

Важнейшим источником книги стали воспоминания бывших заключенных, устные, изложенные в письмах и в меньшей степени опубликованные. Солженицын повествует в книге о том, как она писалась, о ее судьбе, о ее источниках и, в частности, о множестве воспоминаний бывших заключенных, которые он целенаправленно собирал, о пись-

мах и личных беседах с ними. Коллекционировать рассказы о судьбе заключенных Солженицын начал еще в лагере, что придало внутренний смысл его лагерным испытаниям и унижениям.

К источникам «Архипелага» можно отнести различные историко-политические документы, привлекавшиеся Солженицыным; в их числе сочинения В.И. Ленина, книги чекиста М.Я. Судрабс-Лациса, председателя Революционного военного трибунала К.Х. Данишевского, главного государственного обвинителя И.В. Крыленко, его наследника А.Я. Вышинского и др. Большое количество информации писатель почерпнул из сборников «Советская Юстиция», «Декреты советской власти» и «Вестников НКВД».

Официальные издания, документы и книги советских писателей, используемые Солженицыным, служат в тексте либо цели саморазоблачения бесчеловечной системы, либо в противопоставлении с воспоминаниями очевидцев демонстрируют лживость советской официальной печати.

В чем же секрет книги, написанной бывшим лагерником, которому не досталось, по его собственным словам, читать документов? Солженицын не только показал нам десятый круг ада, по определению Л.Чуковской, но и, подобно Данте, указал выход из ада, путь от тьмы к свету.

Книга А.И. Солженицына — это, прежде всего, история возникновения, разрастания и существования Архипелага ГУЛАГ, ставшего олицетворением трагедии России XX века, человеческого плена, несвободы, насилия над человеком. «От изображения трагедии страны и народа неотделима тема страдания человека, проходящая через все произведение» [61; 36].

Особенность книги Солженицына в ряду других, посвященных этой теме, в том, что автор показывает «противостояние человека силе зла — как внешнего, так и захватывающего самое сердце, — историю падения, борьбы и величия духа...» [47, 5].

Именно тема духовного падения и возрождения личности через вечное стремление к свободе является ведущей в произведении; она раскрывается через систему мотивов, в первую очередь через мотив движения, постоянный в книге, наряду с мотивами памяти, сопротивления, плена-несвободы, страха и рядом других.

Автобиографический герой Солженицына проходит определенные этапы развития в неволе: от суетливых попыток выжить и приспособиться, он приходит к философскому отрешению от внешних «благ» (насколько можно говорить о благах в условиях тюрьмы и лагеря). Тем самым герой совершает свой «побег» из царства несвободы. Впервые в истории лагерной литературы выходом на свободу становится отказ от открытого бунта, иллюзорное подчинение якобы несокрушимой Системе без каких-либо попыток улучшить свое существование.

Парадоксален тот факт, что оказавшись в состоянии несвободы, герой Солженицына лучше узнает и самого себя. Поначалу он открывает и неприглядные черты своей личности, но вскоре встает на путь преобразования. К середине срока автобиографический персонаж совершает своеобразный «побег»: от мучительной реальности неволи он уходит в творчество. Литература становится для него способом «распрямиться»: «Никогда б не поверил я в начале своего срока, подавленный его неприглядностью и пришибленный первым знакомством с миром Архипелага, что исподволь душа моя разогнется; что с годами, сам для себя незаметно подымаясь на невидимую вершину Архипелага, как на гавайскую Мауна-Лоа, я оттуда взгляну совсем спокойно на дали Архипелага, и даже неверное море потянет меня своим поблескиванием. Середину срока я провел на золотом островке, где арестантов кормили, поили, содержали в тепле и чистоте. В обмен за все это требовалось немного: двенадцать часов сидеть за столом и угождать начальству. ...А я вдруг потерял вкус держаться за эти блага. Я уже нащупывал новый смысл в тюремной жизни. ... Тюрьма разрешила во мне способность писать, и этой страсти я отдавал теперь все время, а казенную работу нагло перестал тянуть. Дороже тамошнего сливочного масла и сахара мне стало — распрямиться» [Солженицын, 28].

Именно в застенках несвободы осознает герой Солженицына свою основную миссию — стать «летописцем Архипелага» [Солженицын, 1991, 3, 317]. Подсознательное осознание этой миссии, по мнению автора, не дало ему погибнуть, а наоборот привело к духовному возрождению. Предчувствуя свое предназначение, он накапливал лагерный опыт, суммировал впечатления, слушал и запоминал рассказы других людей, усваивал их ментальность. От осознания собственной предназначенности, автор испытывает глубокую радость: «Вот это сознание у меня очень раннее и очень ясное: что тюрьма для меня не пропасть, а важнейший излом жизни» [Солженицын, 136].

Лагерь меняет человека, убежден писатель, поэтому фраза: «Вы никогда не вернетесь в прежний мир», — в художественной системе Солженицына означает, прежде всего, духовное измерение: каков бы ни был человек, лагерь преображает его. Эта фраза служит мостиком к эпиграфу 4-й части, взятому из послания апостола Павла к коринфянам: «...не все мы умрем, но все изменимся». Погибшим и замученным на Архипелаге создает автор памятник в Слове. Трагедия народа должна обернуться очищением и прозрением, должна послужить уроком следующим поколениям. Так библейская цитата, приведенная Солженицыным, перекликается с эпиграфом к «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода».

Для лагерной темы, общий сюжет которой — жизнь в царстве нежизни и несвободы и возможность (Солженицын) либо невозможность

(Шаламов) для человека спастись, сама амбивалентность символа свободы, соединяющего в себе противоположные смыслы смерти и жизни, гибели и спасения, тюрьмы и воли, оказывается необычайно емкой.

Литература

Художественные тексты

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 5. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — 432 с.; Т. 6. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — 432 с.; Т. 7. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — 384 с.
2. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 3. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — С. 5–111.
3. Солженицын А., Медведев Р. Диалог из 1974 г.: Публикация письма А. Солженицына «Письмо вождям Советского Союза» от 1973 г. и отзыва на него Р. Медведева «Что нас ждет впереди?» от 1974 г. // Диалог. — 1990. — №4. — С. 81–104.

Учебная литература

1. Геллер, М. Александр Солженицын: к семидесятилетию со дня рождения. — London, 1989.
2. Лакшин В. Солженицын и колесо истории / В. Лакшин. — М.: Вече, 2008. — 461 с.
3. Латынина, А. Крушение идеократии: от «Одного дня Ивана Денисовича» к «Архипелагу ГУЛАГ» // Литературное обозрение. 1990. С. 3–8.
4. Нива, Ж. Солженицын. — М.: Худож. литература, 1992.
5. Русские писатели: XX век: библиографический словарь в 2 ч. / под ред. Н.Н. Скатова. М., 1998. Ч. 2: М–Я. — С. 379–385.
6. Сараскина Л. Солженицын / Л. Сараскина. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 958 с. (Жизнь замечательных людей : серия биографий. — Вып. 1175).
7. Шнеерсон, М. Александр Солженицын. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984.
8. Штурман Д. После катастрофы (Интеллигенция, революция в России. О Солженицыне) // Новый мир. — 1995. — №2. — С. 128.
9. Шумилин Д. А. Тема страдания и возрождения личности в Архипелаге ГУЛАГ. Литература в школе. — №8. — 1998.

Задания к практическим занятиям

1. Используя материал глав «Арест» и «Следствие» «Архипелага ГУЛАГ», опишите состояние человека, его реакцию, чувства, которые он испытывает при аресте.
2. Используя материал глав «Персты Авроры», «Архипелаг каменеет» «Архипелага ГУЛАГ» опишите приемы следствия, ломающие волю человека.
3. Используя материал глав «Туземный быт», «Придурки», «Стук-стук-стук», «Социально-близкие», «Малолетки», «Цепи, цепи...» «Архипелага ГУЛАГ», расскажите, почему автор

- показывает людей, находящихся в состоянии выбора: жизнь-смерть. Как человек к этому приспосабливается?
- Используя материал главы «Замороженная воля» «Архипелага ГУЛАГ» опишите парадоксы выживания в лагере. Что такое духовный рак? Чем грозят его метастазы?
 - Используя материал глав «Прилагерный мир», «Мы строим» «Архипелага ГУЛАГ», расскажите, почему был выгоден труд заключенных? Составьте список работ, выполняемых заключенными.
 - Прокомментируйте следующие слова Афанасия Фета применительно к личной судьбе А.И. Солженицына:

О Боже, перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле яд.

- Напишите комментарий к следующей цитате: «Самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи. Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!» (А. Солженицын, статья «Жить не по лжи!», 1974 г.).
- В 1970 году Александру Исаевичу Солженицыну была присуждена Нобелевская премия «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы». Один из членов Шведской академии отметил в своей речи: «Где бы, по какой бы причине человеческому достоинству не угрожали, творчество Солженицына является не только обвинением гонителей свободы, но и предупреждением: подобными действиями они наносят урон «прежде всего самим себе». Напишите комментарий к этому высказыванию.
- В 1964 году повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» была выдвинута на Ленинскую премию. Вот что вспоминает критик Владимир Лакшин о тех событиях: «...В Комитете прошло тайное голосование, и всех претендентов — конкурентов Солженицына забаллотировали. «Отвели Солженицына, — комментировал эту новость Твардовский, — так нате вам: он всех за собою в прорубь утянул»...После перерыва Твардовский поехал в Кремль подписывать протоколы...вернулся он крайне расстроенный. Заставили-таки переголосовать! Ильичёв (секретарь ЦК КПСС) дал команду... В результате проходят Гончар с романом «Тронка» и журналист В. Песков. Твардовский пытался выразить протест по поводу нарушения процедуры — но всё было напрасно, результат был предreshён. Как вы могли бы прокомментировать эту ситуацию в Союзе писателей СССР?
- После выхода в свет повести «Один день Ивана Денисовича» в критике разгорелась полемика: герой Солженицына проживает достаточно благополучный день, другое дело у Варлаама Шаламова — там «горчит» любой эпизод, а у Солженицына — «лёгкая повесть». Согласны ли вы с этим мнением? Приведите доказательства.
- Напишите эссе по одной из цитат из Н.С. Лескова:
— «Праведность — это способность жить, не солгав, не слукавив, не осудив ближнего и не осудив пристрастного врага».
— «Героя создает случай, праведника — ежедневная доблесть».

Контрольная работа 1.

Вариант 1

1. Расскажите историю создания и публикации повести «Один день Ивана Денисовича».
2. Назовите основные мотивы повести «Один день Ивана Денисовича» и охарактеризуйте их.
3. Почему изменилось отношение официальных кругов к Солженицыну во второй половине 1960-х гг.?
4. В чем причина исключения Солженицына из Союза писателей СССР?
5. Как возник замысел создания романа «Раковый корпус»?
6. В чем заключается смысл метафорического названия книги «Архипелаг ГУЛАГ»?
7. Как отражена в книге «Архипелаг ГУЛАГ» система советских тюрем и лагерей?

Вариант 2.

1. Как отражены в повести «Один день Ивана Денисовича» мир заключенного Ивана Шухова и картины лагерной повседневности?
2. Покажите на конкретных примерах взаимоотношения «зэка» и государства.
3. С чем связан запрет на издание книг А.И. Солженицына в Советском Союзе?
4. Расскажите о жизни и творческой деятельности А.И. Солженицына за границей.
5. Какова история прохождения романа А.И. Солженицына «В круге первом» в печать?
6. Охарактеризуйте своеобразие жанра книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».
7. Когда и в связи с чем Солженицын был восстановлен в Союзе писателей, и ему возвратили советское гражданство?

Тестовые задания

Вариант 1.

1. **Укажите годы жизни А.И. Солженицына**
1) 1917–2006; 2) 1918–2008; 3) 1916–2009.
2. **Укажите годы учёбы в Ростовском государственном университете**
1) 1936–1941; 2) 1938–1943; 3) 1935–1940.
3. **В каком году Солженицын дебютировал как писатель?**
1) 1963; 2) 1958; 3) 1962.
4. **А.И. Солженицын воевал на фронте. Какие награды он получил?**
1) ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды; 2) орден Отечественной войны II степени и медаль «За боевые заслуги»; 3) орден Красной Звезды и орден Отечественной войны I степени

5. **За что писатель был арестован и осуждён?**
1) за побег с фронта; 2) за критику Ленина и Сталина; 3) за дневник.
6. **В каком журнале был напечатан рассказ «Один день Ивана Денисовича»?**
1) «Районные будни»; 2) «Новый мир»; 3) «Звезда».
7. **В каком году А.И. Солженицын был реабилитирован?**
1) 1957; 2) 1958; 3) 1959.
8. **Где и кем работал писатель после реабилитации?**
1) учителем математики в Ташкенте; 2) учителем физики и математики в Бобруйске;
3) учителем физики и астрономии в Рязани.
9. **Каково первоначальное название рассказа «Один день Ивана Денисовича»?**
1) «Жизнь заключённого»; 2) «Щ-854»; 3) «Один день»
10. **Назовите фамилию главного героя рассказа «Один день Ивана Денисовича»?**
1) Шутман; 2) Клевшин; 3) Шухов.
11. **В каком году А.И. Солженицын был принят в Союз писателей?**
1) 1962; 2) 1963; 3) 1960.
12. **Каково первоначальное название рассказа «Матрёнин двор»?**
1) «Село Торфопродукт»; 2) «Не стоит село без праведника»; 3) «Беспритульная Матрёна».
13. **Когда происходили события, изображённые в рассказе?**
1) 1956; 2) 1953; 3) после революции.
14. **За что А.И. Солженицын был выслан из страны в 1974 году?**
1) за роман «Август четырнадцатого»; 2) за «Письмо вождям Советского Союза»;
3) за выход первого тома «Архипелаг ГУЛАГ».
15. **В каком году писатель вернулся на родину?**
1) 1994; 2) 1993; 3) 1995.
16. **Что находится в центре внимания всех произведений А.И. Солженицына?**
1) жизнь заключённых; 2) русский национальный характер и история России XX века;
3) превращение страны в русское национальное государство

Вариант 2.

1. **В каком городе родился А.И. Солженицын?**
1) Кисловодск; 2) Ростов-на-Дону; 3) Ставрополь.
2. **На каком факультете учился писатель в Ростовском государственном университете?**
1) философии и литературы; 2) физико-математический; 3) медицинский.
3. **С выходом какого произведения Солженицын дебютировал как писатель?**
1) «Матрёнин двор»; 2) «Архипелаг ГУЛАГ»; 3) «Один день Ивана Денисовича».
4. **В каком году писатель был арестован и осуждён?**
1) 1945; 2) 1944; 3) 1946.

5. **Что составляет основу сюжета рассказа «Один день Ивана Денисовича»?**
1) судьба главного героя; 2) события одного дня; 3) взаимоотношения героев.
6. **В каждом произведении писателя множество перефразированных пословиц и поговорок, слова, придуманные автором. Как они называются?**
1) метафоры; 2) эпитеты; 3) окказионализмы.
7. **В каком году А.И. Солженицын был исключён из Союза писателей?**
1) 1969; 2) 1970; 3) 1968.
8. **Когда был напечатан рассказ «Матрёнин двор»?**
1) 1969; 2) 1963; 3) 1968.
9. **Кто противопоставлен в рассказе «Матрёнин двор» главной героине?**
1) Ефим — муж Матрёны; 2) Маша — подруга; 3) Фаддей — брат Ефима.
10. **Как называлась деревня, в которой происходят события рассказа «Матрёнин двор»?**
1) Торфпродукт; 2) Часлицы; 3) Овинцы.
11. **Какова основная тема рассказа «Матрёнин двор»?**
1) судьба Матрёны; 2) судьба деревни; 3) «чем люди живы».
12. **В каком году была опубликована статья «Как нам обустроить Россию?»**
1) 1990; 2) 1989; 3) 1993.
13. **В каком году А.И. Солженицын был восстановлен в советском гражданстве?**
1) 1990; 2) 1989; 3) 1991.
14. **В каком году писателю была присуждена Нобелевская премия?**
1) 1969; 2) 1970; 3) 1968.
15. **За какое произведение писатель был удостоен Государственной премии РСФСР?**
1) «Архипелаг ГУЛАГ»; 2) «Раковый корпус»; 3) «В круге первом».
16. **В каком произведении А.И. Солженицын дал резкую отрицательную оценку проводимым в стране экономическим реформам?**
1) «Красное колесо»; 2) «Россия в обвале»; 3) «В круге первом».

Г. ВЛАДИМОВ «ВЕРНЫЙ РУСЛАН»: ДРЕССИРОВКА СОЗНАНИЯ ЛЮДЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ НЕСВОБОДЫ

Вопросы для обсуждения

1. Личная и творческая судьба Георгия Владимова.
2. История караульной собаки как искажение самой природы.
3. Особенности хронотопа в повести Г. Владимова «Верный Руслан».

Справочный материал

Георгий Николаевич Владимов (настоящая фамилия — Волосевич) родился 19 февраля 1931 года в Харькове в семье учителя. Начав свое обучение в суворовском училище, Георгий Владимов не стал строить карьеру на военном поприще, а поступил на юридический факультет Ленинградского университета, который окончил в 1953 году.

Рано начав литературную деятельность, Г.Н. Владимов уже в 1954 году выступает как литературный критик со статьями «К спору о Вездерникове», «Деревня Огнищанка и большой мир», «Три дня из жизни Холдена» и др.

В 1956 году Г.Н. Владимов начинает работать редактором отдела прозы журнала «Новый мир».

Владимов обладал даром или проклятием безошибочно находить самые болезненные, драматические точки нашего времени. А активная гражданская позиция, личное мужество Георгия Владимова не дают ему оставаться равнодушным зрителем происходящих в стране событий. Так, в мае 1967 года Владимов по личной инициативе обратился к IV Съезду Союза писателей с требованием свободы творчества и открытого обсуждения письма Солженицына к съезду: «...нация ли мы подонков, шептунов и стукачей? Или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев?..».

В 1969 году в журнале «Новый мир» был опубликован роман «Три минуты молчания», имевший громкий успех у читателей.

В 1977 году Г.Н. Владимов вышел из Союза писателей и взял на себя руководство московской секцией организации «Международная амнистия». Его взгляды, которых он никогда не скрывал, активная правозащитная деятельность приводят к тому, что под угрозой ареста Владимов вынужден эмигрировать в 1983 году в Западную Германию. Там русский писатель становится главным редактором журнала «Грани» (издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне).

С 1988 года Владимов проживал в немецком городе Нидерхаузене, там же был создан его знаменитый роман о генерале Власове.

Георгий Владимов написал не так много книг. Некоторые из них (повесть «Большая руда», рассказы «Все мы достойны большего», «Мы капитаны, братья, капитаны...») были напечатаны в советских журналах, пользовались популярностью и принесли автору большую известность, поставив его в первые ряды писателей — «шестидесятников». Другие — как повесть «Верный Руслан» или рассказ «Не обращайтесь внимания, маэстро» — не найдя пристанища на родине, публиковались на Западе, звучали на волнах зарубежных радиостанций. Лишь в ходе перестройки они были возвращены российскому читателю и оказались весьма актуальными, не потускневшими от времени.

Законченная в середине 60-х гг. повесть «Верный Руслан» так и не увидела света в советской подцензурной печати: она ушла в самиздат, а в 1975 г. Владимов счел возможным опубликовать её за рубежом. Интерес к этой повести Владимова вызван уже её темой. Но повесть эта — не просто о лагере. Она о жизни в тоталитарном обществе, наиболее полным воплощением которой является лагерь: его законы дают о себе знать далеко за пределами лагерной зоны. Можно говорить о политической остроте повести — она несомненна, но автор не обличает, он стремится достучаться до человеческой души, в ней, в её способности влиять на поведение человека видит он силу, которая может спасти мир от одичания.

Повесть «Верный Руслан» воспринималась как смелое до дерзости обвинение режиму, покалечившему не только человеческие судьбы, но и человеческие души. Литературный критик Н. Иванова написала об этой повести следующие строки: «Владимов взялся за труднейшую задачу: исследовать сущность и трагедию того самого мрачно-эйфорического сознания, которое формировалось средствами массовой информации и авторитарным искусством... Речь идет об искажении самой природы — в сущности, прекрасной, о дрессировке сознания людей...».

Г. Владимов в своей повести затрагивает актуальные проблемы описываемого времени.

История создания этой небольшой повести ярко иллюстрирует непростую атмосферу, которая сложилась в отечественном искусстве во

второй половине прошлого века. Оказавшись на Западе, Георгий Владимов неоднократно рассказывал ее сам: и в разнообразных интервью, и на встречах с читателями. Один из наиболее подробных таких рассказов опубликован в его большом интервью, данном почти сразу же после вынужденной эмиграции в мае 1983 года энтээсовскому журналу «Посев».

По утверждению Георгия Владимова, «Верный Руслан» писался трижды: «В первый раз — в 1963 году, когда я увидел, что не только ворота лагерей пооткрывались, но открылись ворота для лагерной темы, и в них протиснулся “Иван Денисович”. К слову сказать, для меня эта повесть не была сенсацией, еще в 1956–1957 годах к нам, в отдел прозы “Нового мира”, приносил свои лагерные очерки Алексей Костерин, приходил с “Колымскими рассказами” Варлам Тихонович Шаламов; мы читали, ужасались и восхищались — но что могли тогда поделать?».

Лагерная тема не могла оставить Г. Владимова равнодушным, прежде всего, в силу личных обстоятельств: у начинающего писателя в концлагере сидела мать, он в юности навещал ее там, а затем, после того как она вышла, слушал ее рассказы о времени, проведенном в ГУЛАГе. Сам он, будучи «членом семьи изменника Родины», никак не мог чувствовать себя в безопасности и был готов к тому, что и его самого когда-нибудь арестуют и посадят. Этот страх отступил только после смерти Сталина.

Историю о караульных собаках, брошенных в закрытых после смерти «отца народов» лагерях, писателю рассказал очеркист Н. Мельников, публиковавшийся в «Новом мире», и вернувшийся из командировки в Темиртау. И Владимов тут же понял — вот он, его герой. Не человек — пес! А как только понял, вскоре принялся за работу:

«Довольно быстро я написал рассказ страниц на шестьдесят, в духе веселой сатиры на сталинского вохровца, который все еще служит “в душе” с собачьей верностью, снес этот рассказ в “Новый мир”, показал Твардовскому. Решили было печатать, но при этом Александр Трифонович высказал мне и свое неудовольствие. То есть он вполне готов был этот рассказ “тиснуть”, как он выразился, но, по его мнению, автор слишком увлекся сатирой и сделал из собаки полицейское дерьмо, тогда как тут чувствуется трагедия, чувствуются большие, но — увы! — не раскрытые возможности сюжета. Короче, я эту собаку, ввиду излишнего антропоморфизма, “не разыграл”, и, может быть, стоило бы еще подумать над вещью, “особачить” ее».

Пока Георгий Владимов обдумывал, что делать с сюжетом, машинистки, работавшие в редакции «Нового мира», «запустили» в уже появившийся самиздат первоначальный вариант текста, не указав автора. Многочисленные читатели приписали авторство Солженицыну, а позже повесть стала восприниматься как легенда, не имеющая авторов.

Новую редакцию повести Владимов принес в «Новый мир» только в 1965 году, когда в стране сменилось руководство и подобные публикации не особо приветствовались. Именно по этой причине в публикации было отказано, и Владимов отправил рукопись «теперь уж в самый дальний угол стола, без надежды когда-нибудь к ней вернуться».

Но на этом история повести не закончилась. Г. Владимов рассказывает: «В начале 1970-х годов у меня возникла переписка с одним из работников «Посева», возникла случайно и на случайную тему, <...> я к этому отнесся <...> спокойно, поскольку состояние духа было безнадежное после разгрома «Нового мира» и когда уже кое-кто из моих друзей выехал в эмиграцию. Спокойно я встретил и предложение опубликовать «Руслана», однако решил все же перечитать — что же я такое написал в 1965 году? Годы прошли, и я имел претензии к своему тексту, поэтому переписал его с начала до конца, а дату намеренно поставил прежнюю — не в целях безопасности, а чтобы себя самого вернуть в то настроение, которое нами тогда, в 1963—1965 годах, владело. С иным настроением над этой вещью работать было нельзя, ведь у меня описывается, что лагеря закрываются, что наступил конец страшной эпохи — а она продолжается, опять набирает силу».

Именно так и возник окончательный вариант «Верного Руслана», который был нелегально переправлен Владимовым из Москвы в Западную Германию, во Франкфурт-на-Майне, где и был опубликован. Но публикация на Западе в те годы, равно как и вызывающе смелое поведение Г. Владимова — правозащитника не могли остаться незамеченными, и писатель был вынужден покинуть Родину. Повесть же о караульной собаке начала триумфальное шествие по миру в переводах на все основные мировые языки. «Верный Руслан» был опубликован и в Советском Союзе, но лишь в 1989 году, во 2-м номере московского журнала «Знамя». Эта публикация, как и ожидалось, вызвала многочисленные отзывы ведущих критиков. Так, в «Литературной газете» отметилась Алла Латынина, в «Огоньке» — Наталья Иванова, в «Новом мире» — Александр Архангельский, в «Литературном обозрении» — Лев Аннинский. Владимов, сам начинавший путь в литературу как критик, так высказался о своем детище: «“Верный Руслан”, возможно, и не великая книга, но — хорошая. Может быть, даже очень хорошая. <...> И читать ее <...> будут еще долго».

«Увидеть ад глазами собаки и посчитать его раем» — так сам автор определил главную проблему повести «Верный Руслан». Что знает о жизни главный герой повести — умный сторожевой пес Руслан? Что значит для него, к примеру, счастье? Ночные бдения с хозяином, когда они несут службу, и возле них добро и тепло, а там — весь огромный мир с его злостью и пакостями? Что такое порядок? Бараки в два ряда, вышка, колючая проволока да глаз прожектора, освещающий лагерь. Что такое долг? Охранять этот порядок, оберегать его, не допускать заключенного

к колючей проволоке, не давать ему возможности выйти из строя, а если тот вышел — заталкивать обратно. Так было всегда, но вдруг привычный распорядок рухнул, флаг, развевающийся над лагерем, был снят и брошен на землю, огромные ворота, которые по всем правилам должны были быть закрыты, распахнулись. Лагерь опустел, а ужасного вида человек на своем урчащем тракторе делает то, за что раньше стреляли без окрика: ломает забор с колючей проволокой. Как тут не зарычать, как не приготовиться к прыжку, ожидая услышать: «Фас, Руслан! Фас!». Но почему-то долгожданной команды так и не последовало. Рухнется привычный мир со всеми его устоями, предлагая взамен такую непривычную и неожиданную свободу. Что с ней делать, совсем не ясно...

Верный Руслан совсем растерялся, он хочет вернуть свой мир, который надо было охранять. В поисках утраченного «рая» бегают он на платформу ждать, когда приедет поезд с заключенными. Другие собаки уже забыли о долге, предали службу, привыкли к вольной жизни, а Руслан все ждет. Что чувствует он, выброшенный из своего мира? Страх, растерянность, желание все вернуть...

Руслан — верная собака, умеющая ждать так долго, как это будет нужно. «Он ждал — и дождался. Кто так неистово ждет, всегда дождется», — говорит Владимов. Однажды на запасной путь приходит поезд с молодыми рабочими, которые сами выстраиваются в колонны, и собаки, увидев эти колонны, вдруг вспоминают о своем долге и начинают эти колонны конвоировать. «Какой эскорт!» — шутят рабочие, не понимая зловещего смысла происходящего. Но вскоре он доходит и до них, как дошел до тех людей, которые наблюдали. Однако нет у колонны конвоира, который бы предупредил: «Шаг вправо, шаг влево...» И кто-то обязательно сделает этот шаг и немедленно упадет с разодранным горлом, потому что заточенные на охрану и безжалостную расправу псы просто честно и преданно делают свое дело...

В развернувшемся побоище людей и собак Руслану перебили позвоночник, а один из бывших заключенных, которого Руслан «счел себя обязанным охранять, пока не вернется хозяева», не видит иного выхода, кроме как добить пса. Не вознаградила судьба верную собаку за преданность и скрупулезное выполнение долга...

Много ассоциаций и тревожных откликов вызывает у читателя этот сюжет. Напряжение писательской мысли обуславливается противопоставлениями уже наступающих в жизни перемен и тревогой, которая вызвана ощущениями того, как крепко держится в этой жизни прошлое, донельзя искажившее представление о добре и зле. Но Владимов показывает, что и в этом пространстве несвободы находится абсолютное добро. Есть среди караульных собак пес по кличке Ингус — умный, преданный, прекрасно обученный, с легкостью справляющийся с любыми задачами. При всей своей обученности Ингус почему-то не хочет охранять вновь образовавшуюся колонну, и злоба его собачья куда-

то делась. Но совершенно необъяснимо, почему именно Ингус мертвой хваткой вцепился в пожарный шланг, из которого на страшном морозе обливали заключенных: было в этом «интеллектуале» что-то, что не позволило ему спокойно смотреть, как истязают людей.

Своеобразный собачий бунт, попытка «выйти на свободу», поступить не так, как учили, а как подсказывает доброе собачье сердце, быстро останавливает безжалостная автоматная очередь...

Эта сцена, ставшая кульминационной в повести, многое объясняет в замысле писателя. Человечность не всегда присуща людям, но всегда прекрасна. Здесь появляются слова, важные для понимания проблемы добра и зла, по Владимову: «Да, всякий зверь понимает, что величие его простирается одинаково далеко и в сторону Добра, и в сторону Зла, но не всюду его сможет сопровождать зверь, даже готовый умереть за него, не до любой вершины с ним дойдет, не до любого порога, но где —нибудь остановится и поднимет бунт».

Каждое новое поколение читателей этой повести задумывается: кем считать верного Руслана — палачом или жертвой? Виновен ли он в том, что честно выполнял свой долг? Мы сочувствуем этой умной собаке, знающей, что такое благородство и честь, способной отказаться от еды, если ее предлагает чужой; способной терпеливо ждать и верно служить. Виноват ли Руслан в том, что честно несет свою службу? Виноват ли в своей преданности? Автор оправдывает своего героя, открыто обвиняя в бездушии его учителей: «— Хрен с ним, ребята, не надо дразнить, — сказал солдат. Он все сидел в пыли, раздирая рукав и заматывая локоть. — Он служит. — Никто не дразнит, — сказал мальчик. И возмутился: — Так это он, оказывается, служит? Какая сволочь! — Да, никакая, — сказал солдат. — Учили его, вот он и служит».

Сюжет, предложенный Георгием Владимовым необычен еще и тем, что впервые в произведении о лагере повествуется о существе, находящемся по ту сторону колючей проволоки, но и его судьба искалечена этой безжалостной системой, одинаково разрушающей и людей, и зверей: «Господа! Хозяева жизни! Мы можем быть довольны. Наши усилия не пропали даром. Сильный и зрелый, полнокровный зверь, бегущий в ночи по безлюдному лесу, чувствовал на себе жестокие, уродливые наши постромки и принимал за радость, что нигде они ему не жмут, не натирают, не царапают».

Читатели этой повести не могут не задуматься над тем, что же такое преданность? Каковы ее границы? Благо это или зло? И где найти мерило этим понятиям? И если представить, что под собачьими кличками и образами скрыты люди, то станет еще страшнее и больше за судьбу тех, кто служил изначально ложной идее, служил по-своему честно, но, как оказалось, служил злу...

Сложно обвинять подобных «служак» в том, что служба их оказалась преступной, а жизнь искалеченной. Те самые пресловутые «благие

намерения» в данном случае приводят прямоком в ад. Так, из лагерной прозы Владимова вытекают онтологические проблемы добра, зла, смысла и назначения жизни, социума, отдельного человека. Критик Л. Аннинский точно определил главное в повести — стремление писателя понять, как «из элементов добра магическим образом составляется зло», «как из Руслановой верности, из простого солдатского чувства долга, из полной самоотдачи выковывается охранник, вертухай, лагерный изверг». Суть повествования критик видит в «постоянном вывороте жизненной ткани с «добра» на «зло» и обратно. Чем честнее верный Руслан отработывает свой долг, тем яснее бытийный ужас, который за всем этим встает независимо от источника обмана и подмены». Повесть заставляет задуматься о человеческой вине за то, что Добро странным образом может служить Злу.

Георгий Владимов раздвигает рамки выстроенного им хронотопа, не выходя за пределы реальности, почти фактической достоверности происходящего. Очень точно автор выбирает переломное время, переворачивающее с ног на голову (или наоборот?) ситуацию как в жизнях героев повести, так и во всей стране. Неслучайно и место повествования — лагерь, пространство несвободы, зазеркалье, в котором добро удивительным образом превращается в зло, честь оборачивается позором, а смерть помогает обрести бессмертие...

Прошлое, которое временами возникает в памяти, воспринимается как основание происходящего в повести — вот почему перемены, вызванные смертью Сталина и последовавшим за этим разрушением системы ГУЛАГа, затрагивают пока лишь обстоятельства существования персонажей, но не могут изменить их сущности. Прошлое в повести Владимова встает на пути у будущего и делает это с присущей ему (прошлому) жестокостью, иначе оно и не может. Оно напоминает о себе страшными клыками караульных собак, их искренним — утверждаемым силою — желанием вернуть людей туда, где «... для их просветления приготовлен просторный лагерь, <...> большие, просто чудесные бараки, где они, пожалуй, все-все поместятся, ну разве некоторых придется втолкнуть, а что нет ещё проволоки, — то не беда, они же её натянут».

Люди, обитавшие долгое время в пространстве несвободы, утратили нормальные человеческие ориентиры, обретя внешнюю свободу, они не свободны внутренне. Они и сами чувствуют, что ещё не успели перестроиться и живут по законам прошлого, оставшись «зеками» и для себя, и для окружающих.

Конфликт между человеческим началом в самом человеке и абсолютно бесчеловечной системой в этом произведении обретает отчетливые, предельно жесткие формы, правдиво воссоздавая обстановку духовной несвободы, где человек не может поступать в соответствии со своей человеческой натурой, потому что им правит бездушная и бесчеловечная Система.

Георгий Владимов неоднократно заставляет читателя обратить внимание на то, что явления, находящиеся в оппозиционных отношениях «мы» и «они» постепенно сближаются, грань между ними становится все тоньше и незаметнее. По этому поводу Л. Аннинский говорит, что «мы» — это «они», следовательно, мы разрушаем и уничтожаем сами себя, размываем фундамент мироздания. И эта страшная для человека мысль воплощается в повести Владимова. По мнению Латыниной, движение антисталинской темы состоит в движении «от странного обличения сталинизма — к размышлению над тем, что именно произошло с народом, согласившимся принять ложь за правду. В эпоху оттепели, казалось, главное — разрушить сталинизм, выдернуть его с корнем. Сейчас стало очевидно, что корни выдернуть не так просто».

При всей тяжести сюжета, у читателя после прочтения этой книги остается надежда на то, что пространство несвободы, холодное и безжизненное, рано или поздно будет разрушено. Таким образом, эта странная история караульной собаки заставляет нас задуматься о своей жизни, о мере личной причастности к тому, что происходило, заставляет предельно правдиво ответить самому себе на вопрос: кем и каким человеком ты хочешь быть в своей одной единственной жизни?

Литература

Художественные тексты

1. Владимов Г. Верный Руслан. История караульной собаки // Владимов Г. Собрание сочинений: В 4 т. — М.: NFAQ/2Print, 1998. Т. 1. — С. 235–370.

Учебная литература

1. Владимов Георгий. Большая руда // Новый мир. 1961. № 7; Три минуты молчания // Новый мир. 1969. №№ 7—9.
2. Диалог в прозе: Г. Владимов — Ф. Кузнецов // Литературная газета (Москва). 1976. 18 февраля.
3. Что происходит в стране. Рассказывает Георгий Владимов // Посев. 1983. № 8. С. 42.
4. Терц Абрам. Люди и звери // Континент (Париж). — 1975. — № 5. — С. 367–404.
5. Владимов Георгий. Скребущая песчинка общественной совести // Время и мы (Нью-Йорк — Москва — Иерусалим). — № 133. — 1996. — С. 224.
6. Трагедия верного Руслана. Интервью с Г. Владимовым // Московские новости. — 1989. — № 4. — 22 января.

Задания к практическим занятиям

1. Дать обзор жизненного и творческого пути Г. Владимова; раскрыть специфику изображения писателем событий недавней истории, осмыслить новизну и оригинальность авторской позиции.
2. Найти в повести «Верный Руслан» основные художественные особенности «лагерной прозы».
3. Охарактеризовать место и значение повести «Верный Руслан» Г. Владимова в «лагерной прозе».
4. Что дает Владимову прием «остранения» в «Верном Руслане»?
5. Написать эссе на тему «Душа и колючая проволока». Как вы понимаете высказывание Н. Ивановой о Руслане и ему подобных: «Трагедия преданного сознания»?
6. Проследите, как связаны название (полисемия слова «верный»), подзаголовок и эпиграф к произведению? К кому обращен эпиграф?
7. Модель какого мира создает Владимов в повести, изображая жизнь собаки? Что делает с собакой Служба?
8. Чем лагерный мир у Владимова напоминает шаламовский и солженицынский и в чем его отличие?
9. Что происходит с Русланом, когда система рушится и укоренившаяся психология злобы, ненависти, чувства обязательного присутствия хозяина над собой оказывается не востребованной?
10. В чем люди, которых мы встречаем в повести, похожи на Руслана? Несвобода как образ жизни человека сталинской эпохи. Почему оказалось возможным «выдрессировать» людей?
11. Образы Ингуса и инструктора, сошедшего с ума, и их значение в повести. Почему среди людей нет сопротивляющихся системе? Кто виноват в трагедии, произошедшей с нашей страной?
12. Можно ли назвать повесть Владимова предостережением грядущим поколениям, размышлением о мере ответственности каждого перед историей и будущим? Почему?

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ»

Вопросы для обсуждения

1. Личная и творческая судьба Евгении Гинзбург.
2. В чем специфика «женского взгляда» на происходящее в лагере?
3. Особенности поэтики Е. Гинзбург (синтез официального и диссидентского подхода в изображении каторги и ссылки).
4. Гуманистическая направленность книги Е. Гинзбург «Крутой маршрут».
5. Сочетание документального и художественного начал в биографической хронике Гинзбург.
6. «Крутой маршрут» в театральных постановках.

Справочный материал

Все по святым инквизиторским правилам:
Голые ноги на камне под ином...
Я обвиняюсь в сношениях с дьяволом?
Или в борьбе с генеральной линией?
Тысячелетья, смыкаясь, сплавляются
В этом застенке, отделанном заново.
Может быть, рядом со мной задыхается
В смертной истоме княжна Тараканова?
Может быть, завтра из двери вдруг выглянет,
Сунув мне кружку с водою заржавленной,
Тот, кто когда-то пытал Уленшпигеля,
Или сам Борджа, с бокалом отравленным...
Все это гораздо, гораздо возможнее,

Чем вдруг поверить в этом подвалище
Будто бы там, за стеною острожною,
Люди зовут человека товарищем...
И будто бы в небе, скользя меж туманами,
Звезды несутся, сплетясь хороводами,
Будто бы запахи веют медвяные
Над опочившими сонными водами...

Эти пронзительные строки принадлежат Евгении Семеновне Гинзбург — русской советской писательнице (20.12[7.12.] 1906 — 25.5.1977 Москва). Она родилась в интеллигентной еврейской семье, рано увлеклась революционными идеями, мечтала приносить пользу своей стране, освобожденной от царского ига.

Евгения Семеновна родилась в Москве, но позже ее семья переезжает в Татарию, где, окончив школу, Евгения поступает в Казанский университет на факультет общественных наук, потом переводится в Восточно-педагогический институт, изучает историю и филологию, много читает, активно участвует в студенческих мероприятиях. Гинзбург устраивается на работу в институт, преподает историю ВКП(б) и ленинизма, причем в числе ее слушателей не только студенты, но и рабочие казанского мыловаренного завода. Параллельно Евгения подрабатывает воспитательницей в детском саду и пишет статьи в газету «Красная Татария». Другими словами, становится истинным «ликвидатором» безграмотности, как тогда принято было говорить.

Вся эта деятельность Е. Гинзбург, вопреки ожиданиям, не спасает молодую женщину от поступательно раскручивающегося маховика карательных мер, и в 1937 году Евгения Гинзбург была арестована в Казани. Судебное заседание, состоявшееся 1 августа 1937 года, длилось всего семь минут, на нем не присутствовали ни защитники, ни свидетели. Статья 58, пункты 8 и 11. «Групповой терроризм». Приговор — десять лет в колонии строгого режима с полной конфискацией имущества и лишением гражданских прав на пятнадцать лет. Позже стало понятно, что Гинзбург повезло: почти всех, кто проходил по этой статье, расстреливали. Семь минут, которые перевернули всю жизнь юной женщины, поменяли ее мировоззрение, дали ей силы до конца жизни пытаться своим творчеством предотвратить подобное...

Аресту Евгении Семёновны в 1937 году предшествовали преследования и разбирательства, начавшиеся в декабре 1934 года. Жизнь её в это время была вполне благополучна: муж — член бюро Татарского обкома партии, двое сыновей, любимая работа. Гармония и покой царили и душе Гинзбург — полное понимание и приятие курса партии: «...Если бы мне приказали в ту ночь, на этом заснеженном зимнем рассвете, умереть за партию не один раз, а трижды, я сделала бы это без малейших колебаний. Ни тени сомнения в правильности партийной линии у

меня не было». Хотя одно тёмное пятнышко всё-таки было — отрицание величия Сталина, которое противоречило культу личности вождя, уже охватившему общество: «Только Сталина (инстинктивно, что ли!) не могла боготворить, как это уже входило в моду. Впрочем, это чувство настороженности в отношении к нему я тщательно скрывала от себя самой».

Именно в таком душевном состоянии Гинзбург была затянута страшной машиной репрессий. В начале 1935 года, после убийства Кирова, репрессировали Н.Н. Эльвова, с которым Евгения Семёновна была связана по работе, и её обвинили в отношениях с ним, а значит, — в троцкизме. Ареста пока не последовало, только ограничения по службе, и Гинзбург решила бороться за себя, доказывать перед партией свою невиновность. Степень своего понимания происходящего в стране она характеризует как «беспробудную политическую наивность»: «Да, я была членом партии, историком и литератором, имела уже учёное звание, но я была политическим младенцем».

Поначалу Гинзбург, убежденная коммунистка, восприняла свой арест как трагическую ошибку и ждала быстрого освобождения. Но потом надежды сменились недоумением и отчаянием. Позднее она писала: «Неужели такое мыслимо? Неужели это все всерьез? Пожалуй, именно изумление и помогло выйти живой. Я оказалась не только жертвой, но и наблюдателем. Жгучий интерес к тем сторонам жизни, которые открылись передо мной, нередко помогал отвлекаться от собственных страданий. Я старалась все запомнить в надежде рассказать об этом тем хорошим людям, тем настоящим коммунистам, которые будут же, обязательно будут когда-нибудь меня слушать».

Понимание Евгенией Семёновной линии партии на этом, начальном этапе её «крутого маршрута», её безграничная вера в партийную мудрость, в правильность коммунистического мировоззрения вполне согласуются с идейными установками «антикультовых» произведений лагерной прозы: коммунизм — верная идеология, а культ личности Сталина — ошибка. И эта установка никогда до конца не исчезнет из произведения, задача которого заключается не в развенчании коммунистических принципов и не в изображении постепенного отхода от них репрессированной коммунистки. Задача, которую ставит перед собой писательница, — описать процесс выживания человека, попавшего в страшные условия сталинских тюрем и лагерей, а также разобраться в причинах происходящего.

А потом в ее жизни начался кошмар: два года в одиночной камере, 730 страшных дней, которые дадут передышку после череды мучительных допросов и пыток. Здесь она будет постепенно осознавать произошедшее, начнет понимать, что это не ошибка, а закономерность. «Она ничего не знала о том, что происходит на воле. Не знала, что уже арестованы родители — за то, что вырастили «врага народа».

Не знала, что стало с сыновьями. Не знала, жив ли еще муж, которого тоже забрали. Позже ее отправят на Колыму — через страшные пересылки, тюрьмы, лагеря, замурованные вагоны. Она увидит свою родину совсем другой — раздавленной сталинской машиной террора, унижения, насилия».

Невозможно понять, как смогла выжить худенькая, обессиленная женщина на лесоповале, где средняя температура — минус 40, а пайка — 100 граммов хлеба в день. Много раз она была на грани жизни и смерти. Спасали редкие дни работы на кухне и уборка барака, когда можно было не надрываться от непосильной физической работы на лютом морозе. До конца жизни писательница не смогла забыть тех моральных, физических унижений, которые ей, совсем еще молодой женщине, пришлось вытерпеть за долгие годы заключения. Главный вопрос, который мучал Евгению Гинзбург все эти годы, — за что? — так и остался без ответа...

В 1947 году Евгения Гинзбург была освобождена из лагеря и находилась в ссылке в Магадане, где некоторое время и жила вместе с сыном Василием (будущим писателем Аксеновым). Здесь Евгению Соломоновну снова арестовали, на этот раз всего на месяц. После второго ареста с работой не везло, от голодной смерти спасали частные уроки, которые давали призрачную иллюзию нормальной жизни, и хоть какую-то возможность доучить сына Василия в школе. В 1952 году ее восстановили в гражданских правах, правда, лишь в пределах Колымы — для всей остальной страны она оставалась бывшей «зэчкой», отсидевшей свое, но не реабилитированной. А в 1953 году все повторилось — снова аресты, раскрытые заговоры, сотни «врагов народа». Она опять вздрагивает от каждой проезжающей под окнами машины, ждет, что вновь арестуют. Но в самый разгар нового террора Сталин умирает.

Только в 1954 году Евгении Соломоновне Гинзбург удалось реабилитироваться и даже восстановиться в компартии по собственному желанию. Она и теперь верила в случайность своей трагедии, в то, что дело партии и сталинский культ личности не имеют между собой ничего общего. В это время и начинается писательская судьба Евгении Гинзбург, начавшей записывать свои воспоминания, публиковать статьи в журнале «Юность» и преподавать. Она мечтает переехать в Москву, но, несмотря на полную реабилитацию, вернуться в родной город сможет лишь в 1966 году.

Первое произведение Евгении Гинзбург, опубликованное в Советском Союзе в 1963 году под названием «Так начиналось» рассказывает об ее учительской деятельности в Казани в 20-е гг.

Главная книга Гинзбург «Крутой маршрут» (т. 1 — 1967, т. 2 — 1979) — широкое полотно о лагерной жизни — в то время не была допущена к печати. Евгения Гинзбург пыталась опубликовать эту книгу на родине, отправив рукопись в журналы «Юность» и «Новый мир» в середи-

не 60-х. В этих редакциях ее помнили, там она публиковала свои статьи и воспоминания: «Так начиналось. Записки учительницы», «Единая трудовая», «Студенты двадцатых годов», «Юноша». Но «Крутой маршрут» оказался совсем другой книгой. В нем не было ни романтики становления новой страны, ни интересных педагогических наблюдений, ни рассуждений о системе образования. Здесь было свидетельство массовых преступлений — такое беспощадное, что, даже несмотря на изрядно ослабевшую хватку властей, опубликовать его никто не решался. Рукопись отправили в архив института Маркса-Энгельса-Ленина с формулировкой «может пригодиться для изучения истории партии».

Книга начинает активно распространяться в самиздате: рукопись переписывали, перепечатывали, передавали друг другу подпольно, кто-то надиктовал ее на магнитофонную пленку. Каким-то невероятным образом книга «уплыла» на Запад. По этой причине первая часть книги вышла из печати в 1967 году в Милане на итальянском, а во Франкфурте-на-Майне на русском языке, а вторая была напечатана в Милане уже после смерти Евгении Семеновны. Книга сразу же стала широко известна в Западной Европе как одна из лучших книг о ГУЛАГе. Отрывки из книги читают на BBC, ее перепечатывают в Германии. Гинзбург путает такая шумиха, но сжечь уже ничего нельзя. Можно только дать интервью, чтобы заявить: книга опубликована без ведома автора.

На родине книга «Крутой маршрут» увидела свет уже после перестройки в 1988 году.

«Крутой маршрут» — полностью биографичная книга, основанная на событиях из жизни Евгении Семеновны. Это ее воспоминания, ставшие достоверным свидетельством событий недавнего прошлого нашей страны, написанные искренне, талантливо, правдиво. Автор, когда-то верившая безоговорочно в коммунистическую утопию, да и позже оставшаяся идеалисткой, создает памятник бесчисленным жертвам государственных репрессий.

Уникальность этой книги в том, что «Крутой маршрут» рисует лагерную жизнь глазами женщины, которая перенесла все тяготы существования в пространстве несвободы лично, выжила, не сломалась, не пала духом и нашла в себе силы на предельно искренние воспоминания. Эту книгу можно поставить в один ряд с книгой Маргарет Бубер-Нойман «В застенках Сталина и Гитлера», в которой автор описывает свой тюремный опыт в лагерях Германии и Советского Союза.

Авторская задача Гинзбург определена так: раскрыть перед читателем внутреннюю душевную эволюцию героини: «Путь превращения наивной коммунистической идеалистки в человека, основательно вкусившего от древа добра и зла, человека, к которому через все новые утраты и мучения приходили и новые озарения (пусть минутные!) в поисках правды. И этот внутренний «крутой маршрут» мне важнее донести до читателя, чем простую летопись страданий».

«Крутой маршрут» начинается с описания ужаса и негодования, которые испытывала Евгения Гинзбург перед несправедливостью и последующим арестом (1934–1937 гг.) и охватывает 18 горестных лет, проведенных в заключении, на принудительных работах и в ссылке. Воспоминания об аде, в котором она провела 18 лет, не отпускали Гинзбург до конца жизни. Ей часто становилось страшно, часто казалось, что вот сейчас снова постучат в дверь. «Рецидивы страха, — впрочем, не доводящие до отречения от прошлого, от друзей, от этой книги, — я порой испытываю при ночных звонках у двери, при повороте ключа с наружной стороны», — признавалась она.

Помимо бесстрашной и правдивой хронологии событий в произведении есть и линия, характерная для диссидентской литературы: автор подробно описывает трансформацию своего сознания, изменения в понимании самой сущности людей, их взаимоотношений друг с другом, с властью. Эту линию повествования можно охарактеризовать как изображение формирования мыслящей личности. В условиях, в которых мы видим Гинзбург в начале книги, у неё просто не было возможностей познать жизнь во всём её разнообразии. Круг восприятия писательницы был ограничен представлениями о верности коммунистического курса, о замечательной жизни в советской стране и о прекрасном пути к светлому царству коммунизма, которое ждёт всех впереди. Развитие мышления и духовности в этих условиях было невозможно. Евгении Гинзбург казалось, что она живёт полноценной жизнью, знает ответы на все вопросы, она защищена системой, на благо которой так искренне и преданно трудится. На самом же деле юная учительница существовала в замкнутом мире и не знала, что происходит за его стенами. Парадоксально, но пребывание в пространстве несвободы освобождает сознание героини, делает его открытым для постижения, прежде всего, своей истинной сущности, такой противоречивой и неоднозначной человеческой природы, мира и всей глубины жизни, а в итоге — для формирования полноценной, мыслящей, одухотворённой личности.

Можно прожить целую жизнь, стать заслуженным и уважаемым человеком, но так и не постигнуть, чего ты стоишь на самом деле, не понять, в каком мире ты живёшь, кто тебя окружает, что здесь настоящее, а что — лишь фикция. «Если сравнивать жизнь с дорогой, то на прямом пути, на ровной магистрали, при быстром движении ты не разглядишь происходящего вокруг. А вот если ехать по крутой и опасной трассе, ехать медленно, то ты имеешь шанс увидеть и понять мир вокруг». Так раскрывается символичность названия книги Гинзбург, позволяющего нам воспринимать жизнь, как путь, дорогу. Да, путь этот труден, ужасен, бесчеловечен, — но это все-таки маршрут, дорога, путь, но никак не тупик. Арест и последовавшие за ним события изменили движение писательницы по её пути, а сам путь превратился в «крутой маршрут» — сложный, опасный, но дающий шанс осмыслить собственную

природу, сформироваться как личности, разобраться в людях и в идеологических представлениях. В этом понимании лагерного опыта Евгения Гинзбург довольно оригинальна, с ней не согласились бы ни Солженицын, ни Шаламов, считавший лагерный опыт полностью отрицательным для человека.

«Человеческая искренность в изображении собственных переживаний, стремление разобраться в тех постепенных изменениях, которые происходили в её мировосприятии, делают книгу воспоминаний Е. Гинзбург особым звеном в системе лагерной прозы». Автор «Крутого маршрута» стоит особняком, не особо вписываясь ни в одно из официально признанных в литературоведении течений лагерной прозы: ни к официальным «культовым» произведениям, ни к диссидентской ветви. «Она — вне этих линий, для неё главное — изображение собственных душевных и духовных трансформаций, анализ каждой мысли и каждого чувства, которое она испытала за восемнадцать лет мучений». В этом и состоит уникальность книги «Крутой маршрут» в кругу российской лагерной прозы.

Отличает «Крутой маршрут» от других произведений на эту тему и тот удивительный факт, что в произведении практически нет ненависти к палачам. Тех, кто стал мучителями (следователей, тюремщиков, надзирателей, руководство лагерей и т.п.) автор изображает очень подробно, тщательно рисуя каждую мелкую деталь их поведения и личности: «Ливанов по-прежнему спокоен, официален. Он настаивает на том, чтобы я подписала самую чудовищную чушь, с таким видом, точно это самая естественная и притом незначительная часть некой канцелярской процедуры. Царевский и Веверс всегда орут, угрожают. Веверс при этом нюхает белый порошок — кокаин. Нанюхавшись, он не только угрожает, но и хохочет надо мной». Повествование настолько детально и даже бесстрастно, насколько это возможно. Для Е. Гинзбург ненависть и желание отомстить палачам не являются целью повествования. Главное — понять. Не простить (в авторе нет бездумного всепрощения), а понять, разобраться. Ведь это тоже люди, движимые своими целями и задачами. Вот только в чем они?

Автор выводит в центр своего повествования человека и стремится разобраться в его сущности и даже постараться понять и защитить его. Так в рамках антропоцентрической парадигмы возникает удивительный гуманизм Евгении Гинзбург, представляющий безоговорочную веру в человека, в торжество человечности. Полный контраст этому мы можем видеть в «Колымских рассказах» В. Шаламова, который убежден, что в лагере человек теряет свою человечность. В этом своеобразном споре не может быть правого: у каждого свой опыт выживания, своя история, свое видение человека.

Таким образом, книга Е. Гинзбург «Крутой маршрут» стоит особняком в отечественной лагерной прозе. Воспоминания женщины, пострадавшей за свою деятельность, но не разочаровавшейся в коммунистичес-

кой партии, занимает особое положение в системе российской лагерной прозы. Она одновременно и объединяет черты официальной литературы о культе личности и диссидентских произведений, и не относится ни к одному из этих направлений. В книге сочетается несочетаемое — повествование о коммунистке, не изменившей коммунистическим идеалам, и о трансформации идейной сторонницы советского строя в мыслящую личность. Такой парадокс стал возможным благодаря гуманистической направленности произведения: в центре размышлений автора — человек, желание разобраться в природе человека и понять его.

Мы живем уже совсем в другой стране, но интерес к пронзительной исповеди мужественной женщины не угасает: уже новые поколения читателей открывают для себя книгу «Крутой маршрут». А в 1989 году Галина Волчек поставила в театре «Современник» пьесу «Крутой маршрут» в инсценировке А. Гетмана. В роли Евгении Семёновны — главной героини пьесы и воспоминаний — была занята Марина Неёлова. Спектакль этот неизменно проходил с аншлагами...

Литература

Художественные тексты

1. Гинзбург Е. Крутой Маршрут. М.: АСТ, 2008. 715 с.

Учебная литература

1. Бойко С.С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа // Новый филологический вестник. — 2015. — №3 (34). — С. 65–81.
2. Васильева О.В. Эволюция лагерной темы и её влияние на русскую литературу 50–80-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Сер. 2. — Вып. 4 (№ 23). — С. 54–63.
3. Малова Ю.В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саранск, 2003. — 22 с.
4. Одинцова М.П. Образ человека униженного в русской лингвокультуре (на материале «Колымских рассказов» Варлама Шаламова) // Вестник Омского университета. — 2009. — №3. — С. 157–159.
5. Райзман М.И. Задержанная литература: учебное пособие. — Магадан: Охотник, 2009. — 108 с.
6. Сафронов А.В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. — №3 (40). — С. 139–154.
7. Свирский Г.И. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления. 1946–1986. — М.: Крук, 1998. — С. 216–219.
8. Старикова Л.С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — №2–4 (62). — С. 169–174.
9. Сухих И. Эта тема пришла // Звезда. — 1989. — №3. — С. 193–200.

Задания к практическим занятиям

1. В чем смысл названия и подзаголовка «Крутого маршрута»?
2. Каков замысел произведения? В чем его достоинства и недостатки?
3. Каким образом жанр книги определил ее композицию? В чем своеобразие композиции?
4. Какова авторская позиция в «Крутом маршруте»? Как оценивают ее читатели-современники?
5. Письменно прокомментируйте следующую цитату: «...я не просто счастливица, я счастливица стократная. Потому что я вывожу сейчас на этом «Иле» не только относительно целые руки и ноги, глаза и уши, но и целехонькую душу, не потерявшую способности любить и презирать, негодовать и восторгаться».

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
«ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»
В РОМАНЕ Б.Н. ШИРЯЕВА
«НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»**

Вопросы для обсуждения

1. Личная и творческая судьба Бориса Ширяева.
2. Царь Петр Алексеевич как классический тип «подпольного человека».
3. Соотнесенность категорий «гордость — стыд».
4. Исповедальность рассказа «подпольного человека».

Справочный материал

На сегодняшний день имя Б.Н. Ширяева еще мало известно русскому читателю. Основная часть литературного наследия писателя была опубликована в различных зарубежных изданиях, благодаря поддержке русских эмигрантов. Из литературных работ автора в России увидели свет лишь два его самых значительных произведения — «Неугасимая лампада» и ««Ди-Пи» в Италии. Записки продавца кукол».

Борис Николаевич Ширяев родился в 1889 году в Москве, в семье крупного помещика. Окончив историко-филологический факультет Московского университета, он продолжил свое образование в Германии, в Геттингском университете. Вернувшись в Россию, Б. Ширяев поступил в Военную академию, которую с успехом окончил. В начале Первой мировой войны, Б. Ширяев добровольцем ушел на фронт, где дослужился до звания штабс-капитана, воюя в рядах Черниговского гусарского полка. В 1918 году, с началом Гражданской войны, он намеревался пробраться в Добровольческую армию, чему не суждено было случиться. Будучи арестованным большевиками за попытку перехода границы и приговоренным к расстрелу, он лишь за считанные часы до казни смог совершить побег. Некоторое время он провел в Одессе, а затем пробрался в Среднюю Азию, где принимал участие в антибольше-

вистском движении, после поражения которого, с целью укрытия, работал надсмотрщиком табунов. Спустя два года, Б. Ширяев перебрался в Москву, где был арестован и вновь приговорен к расстрелу. К счастью, исполнение приговора затянулось, а в 1922 году высшая мера наказания была заменена десятью годами заключения в Соловецком лагере.

Тяжелый каторжный труд в Соловецком лагере Б. Ширяеву удалось совместить с участием в деятельности лагерного театра, который по воспоминаниям писателя «(...) был «свободным», формировался по инициативе и силами самих каторжан, а не воспитательно-просветительной части и был подчинен ей лишь формально». Он также участвовал в издании лагерного журнала «Соловецкие острова». Сам Б. Ширяев, называет «Соловецкие острова» «(...) самым свободным из русских журналов, выходивших в то время в СССР».

В 1929 году, из-за переполненности Соловецкого лагеря часть заключенных первого набора было решено отправить в отдаленную ссылку. Таким образом, заключение Б. Ширяева в Соловецком лагере было заменено на трехлетнюю ссылку в Среднюю Азию. Попав в Ташкент, он работал журналистом в мелких местных газетах, преподавал в Ташкентском университете, занимался изучением местной культуры.

В 1932 году, по окончании срока ссылки, Б. Ширяев возвращается в Москву, где снова был арестован и сослан на три года в слободу Россошь (Воронежская область). Отбыв срок, писатель переселился в Ставропольский край. В Черкесске ему удалось устроиться учителем русского языка и литературы в школе, а позже и преподавателем в педагогическом институте. Именно здесь он и познакомился со своей будущей женой, Ниной Ивановной Капраловой, одной из его студенток. Позже у них родился сын Лоллий. Некоторое время спустя Б. Ширяев покинул Черкесск и переселился в Ставрополь, где его и застала Вторая мировая война.

Приход немецких войск Б. Ширяев воспринял как долгожданную возможность открытой борьбы с большевицкой властью. После оккупации Ставрополя немцами, он становится редактором ставропольской газеты «Утро Кавказа». Содержание газеты было антисоветским и явно отображало отношение самого Б. Ширяева к ненавистному большевицкому режиму. Б. Ширяев также создавал листовки, которые были адресованы советским солдатам, с обращением не проливать кровь за большевиков, которых он считал мучителями русского народа. В то же время, Б. Ширяев принимал активное участие в освобождении советских военнопленных, с риском не только для себя, но и для своей семьи.

С поражением немцев Б. Ширяев был вынужден покинуть Россию. В 1944 году он переезжает в Берлин, затем в Белград, где он продолжает свою журналистскую деятельность в кругах «Русской Освободительной Армии». В феврале 1945 года Ширяев переправляется в Италию. Во Фриуле он проживал при штабе казачьей армии генерала Долманова,

где в течение нескольких месяцев, до ухода русских казаков в Австрию, выпускал газету «Казачья земля». С наступлением союзников, казаки покинули Италию, но Б. Ширяев принимает решение остаться. Пребывание в Италии было связано с постоянным страхом высылки в СССР.

Вскоре он вместе со своей семьей попадает в итальянский лагерь для перемещенных лиц (Ди-Пи). Здесь, живя в бедном бараке, испытывая бедствия и голод, Б. Ширяев пытается заработать хоть какие-либо гроши, мастера и продавая куклы. Несмотря на бедственное существование и страх перед будущим именно в Италии Б. Ширяев окончательно состоялся как писатель. Его первым трудом, написанным в Италии в 1946 году, стал «Обзор современной русской литературы». Здесь же появляется его рассказ «Соловецкая заутреня», ставший прологом к его будущему произведению «Неугасимая лампада».

Б. Ширяев скончался в 1959 году, недалеко от Сан-Ремо, где он провел свои последние годы, страдая от туберкулеза.

Обращаясь к тексту самого произведения, стоит сказать, что мы будем акцентировать свое внимание на типе «подпольного человека», поскольку через такие образы можно рассмотреть проблему свободы личности. Необходимо отметить, что данный тип героя не был придуман Б.Н. Ширяевым, а стал актуален еще в произведениях русской литературы XIX века.

«Подпольный человек», изображенный Б. Ширяевым, несомненно, схож с таким типом человека у Ф.М. Достоевского. Но тем не менее имеет отличительные особенности. Это обусловлено тем, что сам роман «Неугасимая лампада» описывает философско-религиозное изображение ужасов Соловецкого лагеря, а также судьбы России после большевистской революции. Именно эта художественная трактовка мучений лагерной жизни, позволяющая автору представить опыт тягостного и смертельно опасного заключения как возможность достичь мудрого восприятия мира, прийти к Богу и найти сохраненные христианские ценности русской души, столь отличает данный роман от других произведений. Биографическая точность и реализм описания лагерных тягот, характеризующие образ Соловецкого лагеря в русской прозе, отходят у Б.Н. Ширяева на второй план. Главный интерес автора уделен вечным ценностям, для раскрытия которых писатель обращается к использованию многочисленных символов, носящих религиозно-философское значение.

Мы считаем, что тип «подпольного человека» Ф.М. Достоевского был воспринят и творчески переосмыслен Б.Н. Ширяевым в образе таких героев, как царь Петр Алексеевич и заключенный Глубоковский. Рассмотрим более детально проявление типологических черт «подпольного человека».

Прежде всего необходимо сказать о предназначении третьей части романа, которая выходит за тематические и стилистические рамки

всего произведения, повествование о некоем крестьянском царстве, созданном русскими крестьянами во время бурных революционных перемен, в надежде на сохранение привычного устоя жизни. Эта часть представлена в форме пересказа легенды, услышанной самим Б. Ширяевым в Соловецком лагере.

Особое внимание писателя привлекает личность простого крестьянина, на которого пал выбор стать царем Уреней. Несмотря на свою малограмотность, он наделен наилучшими качествами русского народа и становится воплощением идеального правителя, который с достоинством несет мученический венец царской власти, приведшей его в Соловецкий лагерь, где он и встретил свою смерть.

Необходимо отметить, что окончание рассказа об Уренском царстве, также, как и введение, ведется от имени самого Б. Ширяева, в них автор отчетливо показывает свое отношение к рассматриваемому герою и собственную оценку его поступкам. В заключении автор описывает пребывание уренского царя Петра Первого в Соловецком лагере, куда он попал вместе с другими уренскими крестьянами, после падения их кратковременного царства.

Для анализа нами был выбран образ Петра Алексеевича как раз во время пребывания на Соловках. После захвата Уреней красной армией царь Петр Алексеевич, избранный народом, долго не мог оправиться от поражения, на протяжении всей жизни на Соловках он испытывал чувство стыда перед людьми, понимание собственной ничтожности. Но в параллель с этим идет чувство гордости, вызванное у героя; на протяжении всего правления и даже после него, он не придавал свои и чужие поступки никаким сомнениям. «На все воля Божия!» — говорил он.

В рамках «подпольной» философии факт принятия своих слабостей является необходимым условием для «отпущения грехов». До самого последнего дня Петр Алексеевич оставался одним из самых загадочных людей, отбывающих наказание в Соловецком лагере. Он не открывался никому, старался не поддерживать разговор (более подробно этот момент будет раскрыт в следующем пункте), но все же царь пытался оставаться честным сам с собой. В какой-то момент он осознал свою слабость (но не физическую, а духовную) и принял ее, что в последствии помогло ему принять мир и самого себя.

Бунт против советского уклада жизни, который выражается не только в словах, но и поступках, в дальнейшем уход в «подполье». Первое описание Петра Алексеевича в СЛОНе следующее: «— Ну, медведьке твое величество, расскажи, как ты с Лениным воевал? Все получили один и тот же ответ: молчание. Словно не видел Петр Алексеевич кружащихся возле него назойливых мошек<...> Со своими говорил тоже редко и то разве лишь по надобности, коротко и грузно бросал слова, как тяжкие кули с плеч». В этом презрении к людям, противостоянию целому обществу отчетливо прослеживается связь с другим литерату-

роведческим типом — «лишним человеком». Даже с жителями Уреней Петр Алексеевич держался довольно холодно, но тем не менее всегда старался оберегать своих односельчан. Уренский царь пытается наказывать себя одиночеством, замыкаясь в себе и своих мыслях. Он целыми днями трудится на каторжных работах, после чего ест и «аккуратно ложится спать». Он полностью игнорирует общение с окружающими «говорил редко и то разве лишь по надобности» [38, с. 196].

Перед нами предстает образ «чистого» человека, тем не менее относящегося к «подпольному» типу. Петру Алексеевичу не присуща ни раздвоенность, ни самолюбие, разве что самоуничтожение иногда проявляется, но уже в Соловецком лагере. Идея здесь выступает синоним веры. Жители Урени не задумывались никогда об идеях изменения мира, их жизнь протекла спокойно и размеренно. Несомненно, у них была вера, которая не пошатнулась с прибытием новых солдат и советских людей. До последней минуты своей жизни они оставались преданными своим верованиям, идеям и мыслям.

Б.Н. Ширяев, повествуя о Петре Алексеевиче, упоминает цитату Ф.М. Достоевского: «Великую истину сказал Достоевский: “Простолюдин, идущий на каторгу, приходит в свое общество, даже, быть может, более развитое. Человек образованный, подвергшийся по законам одинаковому с ним наказанию, теряет часто несравненно больше него. Он должен задавить в себе все свои потребности, все привычки; должен перейти в среду для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом... И часто для всех одинаковое наказание превращается для него в десятеро мучительнейшее. Это истина». Тем самым, автор хотел отметить, что герой вынужден на одиночество и собственное страдание. Вспоминая образ Петра Алексеевича, мы понимаем, что удовольствия от причинения кому-то тяжких мук он получить не мог.

Исповедальность рассказа «подпольного человека». Образ Петра Алексеевича дается в сильном авторском приближении. Сам момент исповеди представлен уже почти перед смертью героя, когда он понимает, что дни его сочтены: «Самый старейший из всех ссыльных священников отец Сергей Садовский приоткрыл дверь кельи. — Ко мне? Чем могу... — и удивленно огладил свою седую бороду, разглядев выцветшими глазами знакомую всем фигуру посетителя. — Исповедуйте, батюшка, и допустите к Причастию...». Содержание исповеди остается неизвестным, но по настроению священника мы можем сказать, что Петр Алексеевич многое пережил и таил это в себе, решив доверить напоследок все тайны только одному человеку.

Героя романа «Неугасимая лампада» царя Петра Алексеевича с полным правом можно считать представителем литературного типа «подпольного человека». Он актуализирует в себе следующие «подпольные» свойства: соотносительности категорий «гордость — стыд»; факт принятия своих слабостей для «отпущения грехов»; бунт против совет-

ского уклада жизни; одиночество как сознательный выбор героя; самоуничтожение; идеологическая составляющая (идея выступает синонимом веры); наслаждение собственным страданием; исповедальность рассказа; сходство жанровой природы «Неугасимой лампы» и «Записок из подполья».

Литература

Художественные тексты

1. Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. — М., 2014.

Учебная литература

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). — М., 1998.
2. Буданова Н.Ф. «Подпольный человек» в ряду лишних людей // Русская литература, 1976. — № 3.
3. Гладкова Е.В. Символика света в изображении Соловков. [Электронный ресурс]. <http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2011/gladkova.pdf>.
4. Касаткина К.В. Тип «подпольного человека» в русской литературе XIX — первой трети XX в.: дис. ... кандидата филологических наук. — М., 2016.
5. Мельников М. Ставропольское зазеркалье: год 1942.
6. Стрижев А.Н. Неугасимая лампада Бориса Ширяева. [Электронный ресурс]. <http://www.portal-slovo.ru/history/35478.php>.
7. Талалай М. Борис Ширяев: еще один певец русского Рима. [Электронный ресурс]. <http://www.utoronto.ca/tsq/21/talalaj21.shtml>.
8. Талалай М.Г. Борис Ширяев: еще один певец русского Рима.

Задания к практическим занятиям

1. **Используя биографическую справку, данную в пособии и дополнительные материалы, выскажите свою точку зрения по следующим положениям:**
 - 1) Во многих биографических справках не говорится о мотивах, по которым советская власть постоянно преследовала Бориса Николаевича Ширяева. Также ни слова не сказано о том, почему уже один раз приговоренный к смерти и чудом ее избежавший Б. Ширяев всё-таки жил в столице Советской России — Москве, где его арестовали и приговорили к расстрелу во второй раз. Таким образом, ее претензии к человеку выглядят бессмысленными и садистскими, а сам Б. Ширяев предстает невольной жертвой этой озлобленной на него власти.
 - 2) Не понятна длительность пребывания Б. Ширяева на Соловках: в 1922 г. он осужден (ни обвинения, ни приговора не названо), затем освобожден, «был отправлен в ссылку» (точнее — на поселение) в Среднюю Азию, а уже «в 1930 году он очутился в Ставрополе». Ведь, Соловецкий лагерь особого назначения был создан 14 марта 1923 г.

- 3) Как подозрительная и уже дважды едва не расстрелявшая Б. Ширяева советская власть позволила ему вернуться «к преподавательской деятельности и читать лекции в провинциальных высших учебных заведениях»?
- 4) Непонятно, как Б. Ширяев встретил начало Великой Отечественной войны, проявлял ли желание бороться с захватчиками (будь то в армии или частях ополчения)? Что означает фраза «вскоре после оккупации немцами Северного Кавказа Ширяев оказался в лагере в Германии»? В каком лагере он оказался? Зачем понадобилось везти его в Германию: неужели не было более близкого концлагеря? Или его не арестовали?
- 5) Почему книга «Ди Пи в Италии» вышла в столице Аргентины, когда автор жил в Италии?
2. Проанализируйте по плану, представленному в главе, образ Бориса Глубоковского, Сергея Арманова, Макара Борина, отца Никодима.
3. Подготовьте сообщения к круглому столу «Художественные особенности изображения «людей из подполья» в произведении Б.Н. Ширяева «Неугасимая лампада»».
4. Прокомментируйте эпитафию «Неугасимой лампы»: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко».

ТРАГЕДИЯ СВОБОДНОЙ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ М. БОЙКОВА «ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ ТЮРЬМЫ»

Вопросы для обсуждения

1. Личная и творческая судьба М. Бойкова.
2. Проблема личности в творчестве М. Бойкова.
3. Нравственный и духовный потенциал заключенных в романе «Люди советской тюрьмы».

Справочный материал

Михаил Матвеевич Бойков — писатель, ставропольский журналист и терский казак. В 30-е годы работал в Пятигорске корреспондентом газет «Утро Кавказа» и «Молодой ленинец», в 1937-м прошел через ставропольскую внутреннюю тюрьму НКВД, весь путь «большого конвейера» пыток от кабинета следователя до камеры смертников.

Был арестован за фельетон «Спортивные спекулянты», в нём сообщалось, что спортивное общество «Динамо», членами которого являются обычно работники НКВД, на своем стадионе в городе Пятигорске по большим ценам сдавало в аренду площадки рабочим спортивным коллективам для подготовки значкистов ГТО. Крайком комсомола признал фельетон правильным. Но его первый секретарь Чернявский был сразу же арестован, так как стал подозреваться в шпионаже для японской разведки.

Через два года М.М. Бойкову удалось выйти из тюрьмы, его выпустил из застенков следователь, который уже знал о том, что и его должны арестовать. Выпустил журналиста с условием, что на свободе бывший арестант напишет книгу о том, каким нечеловеческим мукам подвергают заключенных в советских тюрьмах специально обученные палачи-теломеханики. Книгу «Люди советской тюрьмы» писателю уда-

лось издать с большим трудом и маленьким тиражом только в 1957 г. в Аргентине, куда его после Отечественной войны забросила судьба. Эта книга стала одним из первых свидетельств об Архипелаге ГУЛАГ в России. М.М. Бойков так никогда и не оправился от всего перенесенного в тюрьме и умер в 1961 г. в Аргентине при довольно загадочных обстоятельствах. Существует версия, что его могли отравить.

Вот как сам автор пишет о себе в романе «Люди советской тюрьмы»: «Я один из бывших счастливейших граждан Советского Союза. В самые страшные годы большевизма я сидел в самых страшных тюремных камерах и выбрался оттуда сохранив голову на плечах и не лишившись разума. Меня заставили пройти весь кошмарный путь «большого конвейера» пыток НКВД от кабинета следователя до камеры смертников, но от пули в затылок мне удалось вернуться. Ну, разве я не счастливец?».

Право на личность есть, согласно М. Бойкову, «закон природы», главенствующее нравственное стремление каждого живого человека, в том числе и изгоя-отверженца. Более того, в последнем это стремление, не слабее, чем в людях вольных, а сильнее и обостреннее. Во-первых, потому, что тюремный изгой уже по своему положению в данном стремлении ущемлен и ограничен. Во-вторых, потому, что и сам преступник, как правило, натура с развитым и сознаваемым индивидуальным началом. Таково, по крайней мере, было убеждение самого писателя. Назвал не только за их грамотность и мастеровитость, а в первую очередь за отсутствие в них нравственного рабства. Да ведь большинство из этих людей и попало в острог по той причине, что не снесло оскорбления своей личности.

Исследуя «тайну» человека, писатель задумывается над проблемой преступления. Он размышляет о его причинах, поводах, природе. Столкнувшись в ставропольской тюрьме с разными типами преступлений и преступников, М. Бойков понял, насколько сложна природа преступления.

М. Бойков использует приемы и средства непрямого психологического анализа, когда внутренний мир персонажей раскрывается постепенно, в процессе сюжетного развития, путем последовательного накопления каких-то «знаков» внутренней жизни персонажа. При этом нередко процесс открытия подлинной сущности характера идет зигзагообразно. Первые впечатления опровергаются в процессе последующего, более глубокого знакомства с героем.

Важно, что даже в самых отъявленных разбойниках писатель подмечает «человеческое, слишком человеческое» — неподдельную простоту, искренность, способность отдаваться беззаботному веселью, даже добродушие. Автор подчеркивает отзывчивость, чуткость массы уголовников на подлинно человеческое отношение к ним. Доверие, оказанное уголовнику способно даже в какой-то мере возродить его.

Для подтверждения данной мысли необходимо обратиться к главе романа «Женя Червонец», в которой говорится о мальчике, попав-

шем в камеру к «взрослым» преступникам (по словам автора: «мальчик не старше 13 лет»), которые впоследствии стали относиться к нему не просто как к младшему «другу по несчастью», а как к своему собственному ребенку.

С приходом Жени распорядок и жизнь камерных преступников изменилась. Они хотели помочь ему в чем-то, каждый старался удивить мальчишку. По мнению самого М. Бойкова, сам Женя выступал олицетворением прекрасного, которое, к сожалению, угасало не только в тюремной жизни, но и уже в самом мальчике. Женя ласково обращался к каждому из его сокамерников, уважал их, пытался быть полезным. Именно в этом эпизоде проявляются абсолютно все человеческие качества уголовников, которые были спрятаны глубоко внутри, да и некоторые уже не надеялись на то, что способны переживать и сочувствовать другому человеку.

Мальчика пытали также, как и других заключенных, без каких-либо поблажек. Сокамерники пытались отвлекать его от дурных мыслей, помогали ему восстанавливаться после очередного ночного допроса. Позднее мальчик стал задумываться о смерти, но М. Бойков ему объяснял, что не нужно ничего бояться, всегда надо быть сильным человеком.

Когда тюремщики пришли ночью, чтобы вести Женю на расстрел, уголовники пытались воспрепятствовать этому, но у них ничего не получилось. После того как Червонца забрали, они старались делать вид, что жизнь идет дальше, хотя, на самом деле, у каждого из преступников в этот момент «вырвали кусок сердца».

М. Бойков верил в человека, в его нравственный и духовный потенциал, в культуру и цивилизацию, которые, он был убежден, сделают свое благородное дело и искоренят то зло, что живет в человеке.

Самое страшное в тюремном мире, по мнению М. Бойкова, даже не то, что он исступленно жесток, чудовищно безнравственен, что в нем извращены все законы природы и человека, что он представляет собой сборище всяческих нечистот, — а то, что, попав в этот мир, человек оказывается в бездне, из которой нет возможности выбраться. Подобно щупальцам гигантского спрута, блатные, «социально-близкие», опутали своими сетями все тюремное начальство и взяли, с их благословения, под контроль всю жизнь. В больницах, на кухне, в чине бригадира — везде царили уголовники. М. Бойков с дотошностью исследователя воспроизводит психологию заключенного, его принципы, вернее, отсутствие их.

М. Бойков в своем романе очень подробно описал детали всех пыток и издевательств, через которые ему довелось пройти самому, или ему рассказывали другие уголовники. Методы «добычи информации» были абсолютно разными, но с каждым разом теломеханики старались придумать что-то новое. Вот как говорит о пытках один из героев романа: «— Тогда, — прерывистым шепотом рассказывает мне Павел Гордеев, — меня отправили на большой конвейер. Это конвейер пыток... Его

так называют потому, что одна пытка сменяется другой. Сперва пытается один теломеханик, потом другой, третий и так без конца. Меня били по спине, по груди, животу, рукам и ногам. Били плетью, ножкой от стула, шомполом, стальным метром, палкой с гвоздями. Жгли мою кожу раскаленными иголками, папиросами, паяльной лампой. Потом наливали мне в живот, через воронку во рту, воду и касторку целыми бутылками... Потом поставили на стойку... Больше месяца пытали...».

М. Бойков, в частности, замечает, что власть, избравшая своим инструментом насилие, отрицательно действует на психику человека, на его духовный мир, кровавыми расправами погружает народ в страх и немоту, разрушает в нем понятия добра и зла. Вот как один из героев романа «Люди советской тюрьмы» говорит об этом: «— Тюрьма переделывает человеческие лица, — печально говорит Смышляев. — Здесь самое интеллигентное лицо очень скоро превращается в физиономию бандита. Посадите сюда самого Ламброзо и через месяц он станет похожим на самого закоренелого преступника из его альбома уголовных типов...».

Литература

Художественные тексты

1. Бойков М. Люди советской тюрьмы. — М.: Русский издательский центр, 2010. — 423 с.

Учебная литература

1. Апухтина В.А. Концепция личности в современной советской прозе (60–80-е годы) // Идеино-художественное многообразие советской литературы 60–80-х годов. — М.: МГУ, 1991. — С. 77–84.
2. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире: К пониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. — М.: Республика, 1994. — С. 320–435.
3. Иванова Н.М. Арестанты и надзиратели // Огонек. — 1991. — №11. — С. 26–28.
4. Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. — Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1981. — 216 с.

Задания к практическим занятиям

1. С какими печатными изданиями сотрудничал М. Бойков?
2. За что арестовали М. Бойкова?
3. Как сам М. Бойков говорит о времени, которое он провел в тюрьме? Аргументируйте свой ответ.
4. В каком городе происходят события, разворачивающиеся в романе?
5. Как М. Бойков относится к свободе личности? Аргументируйте свой ответ.
6. Напишите эссе на тему «Художественные особенности изображения человека в нечеловеческих условиях (на примере романа М. Бойкова «Люди советской тюрьмы»)».

Тема 8.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В КНИГЕ Г.А. БЕЛИКОВА «БЕЗУМИЕ ВО ИМЯ УТОПИИ ИЛИ СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГОЛГОФА»

Вопросы для обсуждения

1. Личность и деятельность Г.А. Беликова.
2. История создания книги «Безумие во имя утопии или ставропольская Голгофа».
3. Тема наказания в творчестве Г.А. Беликова.

Справочный материал

Герман Алексеевич Беликов является широко известным писателем и ученым-краеведом не только в Ставрополе, но и в Ставропольском крае. Всю свою жизнь он посвящает исследованию исторических событий своего города, изучению жизней людей, которые жили и работали на благо Ставрополя.

Все публикации Г.А. Беликова о Ставрополе печатаются уже более пятидесяти лет и вызывают большой интерес у читателей всех возрастов и профессий. Во время работы над своими статьями, очерками, книгами, автор кропотливо работал в архивах, музеях и библиотеках города, края и страны, изучал исторические документы, общался с известными и заслуженными краеведами, учеными, писателями. Г.И. Беликов смог собрать свой большой уникальный архив редких документов и фотографий, посвященных родному городу и краю. Писатель занимается изучением не только истории XIX века, но также его интересуется и послереволюционный период, трагические дни немецкой оккупации, наше время.

Герман Алексеевич Беликов родился 10 февраля 1933 года в семье школьного учителя истории Алексея Максимовича Беликова, увлекавшегося изучением истории и природы Ставрополя и передавшего эту увлеченность сыну.

Писатель учился на географическом факультете Ставропольского педагогического института, путешествовал со студенческими экспедициями по Кавказу, Крыму и Уралу, увлекался альпинизмом. После окончания института в 1956 году начал работать в школе №3 города Ставрополя и городском Доме пионеров, в котором он занимался с юными краеведами и водил их по горным тропам и степным дорогам, сплавлялся по горным рекам.

С 1972 года Г.А. Беликов стал преподавать в Ставропольском пединституте, позже стал старшим научным сотрудником Ставропольского краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве.

В 1996 году Ставропольская писательская организация приняла его в свои ряды. 25 августа 1999 года Ставропольская городская Дума присвоила Г. А. Беликову звание Почетного гражданина г. Ставрополя за большой вклад в развитие культуры, научную и публицистическую деятельность на благо города.

Из всех многочисленных книг автора мы акцентируем внимание на произведении «Безумие во имя утопии или ставропольская Голгофа». Данная книга представляет собой синтез и анализ многих подлинных исторических документов, в которой исследуется период большевистского террора в Ставрополе через общую ситуацию в стране, начиная с 1917 и заканчивая 1953 годом, когда были предприняты первые попытки либерализации советского общества.

В самом начале книге Г.А. Беликов упоминает о том, что, когда встал вопрос об издании книги, он обратился за помощью автор к Александру Исаевичу Солженицыну, отправив ему произведение. Вскоре пришел ответ от А.И. Солженицына, и началась трудоемкая работа по редактированию, но в августе 2008-го пришло известие о смерти писателя. Только в 2009 году читатели увидели труд Г.А. Беликова, который поражает фактами и воспоминаниями людей.

В своем труде Г.А. Беликов приводит такие отрывки из документов или воспоминаний, из которых видно, как человек выживал в нечеловеческих условиях. Остаться человеком и личностью — вот, что было сложнее всего. Ведь не только физическое воздействие было применено к мирным жителям, но и психологическое. Тех, кто не поддерживал новые порядки «убеждали», зверски мучая и убивая семью, друзей, знакомых, земляков.

Говоря о психологическом давлении, цель которого подавить свободу личности, стоит обратиться к фрагменту, в котором говорится об аресте пожилого мужчины «Мама говорила, что дома дедушку не били, хотя словесно издевались». В доме хранились ордена и именная сабля (награда за храбрость) — все это дедушка завещал ставропольскому музею, но матросы разбили все коробки с «побрякушками» (именно так они называли ордена). «Мама говорила, что она видела дедушку плачущим два раза в жизни: когда умерла бабушка, и когда ломали его саб-

лю...». После ареста он был зверски убит: «из кожи были вырезаны погоны, лампасы, несколько штыковых ран в груди и отрубленная голова, которая чуть держалась на коже».

Г.А. Беликов рассказывает о том, как начали бороться с печатными изданиями в Ставропольском крае и издавать большевистские газеты. Первым было закрыто печатное издание «Губернские ведомости», далее газета «Северокавказское слово», которая была основана еще по инициативе Г.Н. Прозрителева под названием «Северный Кавказ». Главный редактор Е.А. Дементьев («Северокавказское слово») позволил себе выступить на собрании с критикующей речью о советской власти, чем и было спровоцировано скорейшее закрытие.

В книге подробно рассказывается о начале деятельности службы доносов в Ставропольском крае, вот один из примеров доноса, который был опубликован в газете «Власть труда» от 8 апреля 1918 года: «Арестован разъездной врач Л. Розенберг комиссаром по охране города Белецким, который, как утверждала техслужащая разъездной службы, оскорблял в разговоре советскую власть».

Отсутствие настоящей свободы у людей проявляется во многом: в отсутствии честных выборов, в запустении деревни, в продажном правосудии, в ложном коллективизме, когда никто ни за что не отвечает, в безудержной коррупции, дефиците нравственности, человечности, духовности, в насаждении психологии покорных, безмолвных рабов.

Говоря о свободе личности, а точнее об ее абсолютном подчинении «новым порядкам», стоит обратиться к отрывку из книги, в котором рассказывается об одном молодом жителе села Кутульта, который возвращается в родной дом, но близкие люди совсем не узнают в нем своего сына: «Он не снимает шапки и стоит, как в кабаке, с покрытой головой. Он не кланяется старому отцу, он не целует руки матери. И взгляд у него какой-то новый незнакомый непривычно тяжелый и насмешливый. На все он смотрит как-то особенно прищуренными глазами». Далее следует диалог, в котором сын пытается настойчиво убедить родителей, что теперь новый режим и пора привыкать к новым устоям. После чего солдат «с каким-то необычным и непонятым раздражением, с каким-то особым и страшным наслаждением начинает рушить святой, заветный дедовский угол и те самые иконы».

Этот эпизод доказывает, что автор задавался вопросом: «Каким образом народ, считавшийся глубоко религиозным, так на удивление быстро превратился в народ, «не уважающий святынь»?». Исчерпывающего ответа, похоже, не знает никто. Одно можно сказать определенно: ответственность за погружение Ставрополя во тьму он не возлагает ни на инородцев, ни на «малый народ», ни вообще на какую-нибудь внешнюю силу. Он хорошо понимает, что семена жестокости и бездуховности упали на благодатную почву темноты и невежества, что «новая Россия унаследовала большинство язв и пороков старой».

У автора не было умысла столкнуть «белое» и «красное» в прочтении прошлого. Он попытался обратиться к народным воспоминаниям, открыть ту часть нашей истории, которую от нас долго скрывали и стараются скрывать по сей день. Это все нужно для того, чтобы мы смогли распознать грань между истинным и ложным.

Воспоминания, отрывки из документов в книге «Безумие во имя утопии или ставропольская Голгофа» обладают документальной и художественной ценностью, дополняют картину нашей истории. В целом, труд Г.А. Беликова вместил в себя около 600 документальных источников — архивные документы, воспоминания ставропольцев, отрывки из газетных статей, исследования советских и современных историков, эмигрантскую прозу. Издание проиллюстрировано множеством снимков, которые уникальны, ведь некоторые из них печатаются впервые. Но самое главное — лица, портретная галерея тех, кто показывал и рассказывал нашу историю: Павел Мачканин, Илья Сургучев, Антон Деникин, Борис Ширяев, Михаил Бойков, Лев Разгон, Александр Солженицын, Леонид Польской.

Отрывки из произведений вышеупомянутых авторов представлены в книге. Наравне с показанными цифрами и фактами, они, обладая документальной и художественной ценностью, дополняют картину прошлого. Ведь без этих «пространных цитат, живых свидетельств безумия во имя утопии, было бы невозможно прочувствовать всю глубину трагедии нашего истерзанного, израненного Отечества».

Большое внимание в данной книге уделяется теме наказания, теме влияния телесных наказаний на душевное состояние палача и жертвы. Палач у Г. Беликова — герой своеобразного «физиологического очерка». Автор стремится к максимальной точности. Закономерно, что он голосом статиста сообщает цифры, необходимые для полного понимания сути дела.

Г. Беликов обращает усиленное внимание на то, что есть особенно в палаче, что выделяет его из людской среды, перечисляет различные социально-психологические и прочие факторы, сформировавшие палача, не отдавая какому-либо одному из них предпочтения.

Гордость и высокомерие присущи не одним только палачам, но интересен сам факт присутствия этих черт у палачей, у этих отверженцев общества. Презрение людей порождает ответную реакцию у палачей — презрение к ним, ко всем прочим, как к потенциальным жертвам с особенной, профессиональной точки зрения.

Палач в романе не напускает на себя надменность и высокомерие: это его типичные профессиональные приметы. Он надменен со всеми без исключения и всегда настороже: играет заученную роль, не обольщаясь ничем и не доверяя презирающим его и презираемым им людям. В объективный портрет палача ненавязчиво вводятся маленькие уточ-

нения, немного эмоционально окрашенные, но создающие тягостное и давящее впечатление.

Овеществление деньгами — один из факторов, определяющих социальное «омертвление» человека. Деньги как всеобщий эквивалент и заменитель выступает в как эквивалент свободы. Но тут писателю открывается «своя великая тайна»: человеку, даже в неволе, необходимо хоть немного проявить себя именно как личности, показать свой нрав, «свою характерность».

Человек, его природа и свобода — важные проблемы, на которые обращает внимание автор «Безумие во имя утопии или ставропольская Голгофа». Основное условие жизни человека — это свобода. Проблема свободы личности, проблема заявить себя — этот мотив проходит через данное произведение. Методами непрямого психологического анализа автор говорит насколько тяжело человеку жить в неволе, к каким уловкам прибегают арестанты, чтобы заявить о своем праве на личность.

Г. Беликов считал, что любое преступление не должно оставаться безнаказанным, только степень наказания не должна превышать совершенного преступления.

Литература

Художественные тексты

1. Беликов Г. А. Безумие во время утопии, или Ставропольская голгофа. — Ставрополь: ТЭСЭРА, 2015. — 224 с.

Учебная литература

1. Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. — Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1981. — 216 с.
2. Муравьев Н.В. Наши тюрьмы и тюремный вопрос // Русский вестник. — 1878. — Т. 134. — С. 481–517.
3. Мурин Д.Н. Один час, один день, одна жизнь человека в рассказах А. Солженицына // Литература в школе. — 1990. — №5. — С. 103–109.
4. Недзвецкий В.А. Отрицание личности: («Записки из Мертвого дома» как литературная антиутопия) // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. — 1997. — Т. 56. — №6. — С. 14–22.
5. Шумилин Д.А. Тема страдания и возрождения личности в «Архипелаге ГУЛАГ» // Литература в школе. — 1998. — №8. — С. 36–43.

Задания к практическим занятиям

1. Обратитесь к справочному материалу, посвященному биографии Г. Беликова. Что вы можете сказать о семье автора? В каких социальных условиях он рос?

2. На каком факультете обучался автор? Как вы думаете, с чем связано его решение — кардинально изменить сферу интересов.
3. Назовите документы, к которым чаще всего обращается автор. Как вы думаете, почему именно к ним?
4. Проанализируйте сказку про Правду и Кривду. Найдите в ней художественные особенности, при помощи которых возникает воздействие на читателя.
5. Подготовьте сообщения, опираясь на справочный материал, в которых раскрывается влияние экономики, социальных факторов на личность обычного населения.
6. Как в произведении выявляется авторская позиция, авторский взгляд на судьбу человека?
7. Сопоставьте точки зрения А.И. Солженицына и Г.А. Беликова в отношении советской власти «нового режима», попытайтесь обозначить черты сходства и различия.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О КАТОРГЕ И ССЫЛКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Вопросы для обсуждения

1. Лагерная тема в произведениях Д. Андреева «Роза мира», И. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные», В. Гроссмана «Все течет», В. Зубчанинова «Повесть о прожитом», В. Маканина «Буква А».

Справочный материал

Когда-то А.И. Герцен, имея в виду произведения Рылеева, Бестужева, Полежаева, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Кольцова, Белинского, назвал историю русской литературы «мартирологом или реестром каторги». XX век оказался более чем достойно представленным в этом реестре: поколеблены или вовсе разрушены представления о незыблемости вечных истин — свободы, добра, нравственности, гуманности. Этот страшный век показал беспомощность людей перед злом, воплощенном в бесчеловечной Системе, в государственных структурах, основанных на лишении человека свободы.

После окончания периода культа личности Сталина в российской литературе сформировалась особая линия произведений, авторы которых стремились рассказать правду о происходившем в СССР в 30–50-х годах XX века, донести до читателей ужас творившихся беззаконий и попытаться осмыслить причины страшных репрессий. Данные литературные произведения получили название «лагерная проза». По определению Л.С. Стариковой, «лагерная проза — тематическое направление в русском литературном процессе конца 50–90-х гг. XX века, создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей» [1, с. 169]. Произведения лагерной прозы автобиографичны, так как писатели рассказывают о событиях, произошед-

ших с ними лично; в основном документальны. Их главными темами становятся темы свободы, жизни и смерти, верности и предательства и др. Тематика обуславливает значительные сходства; как отмечает С.С. Бойко, книги лагерной прозы объединяет «первостепенная для бывших узников задача — поведать миру горькую правду» [2, с. 67], хотя документальность и не абсолютна: «Писатель ставит перед собой задачу не буквально следовать за реальными фактами, а передать дух, атмосферу лагерной жизни» [3, с. 14]. При этом литературные произведения, возникшие в рамках данного тематического направления, отличаются в первую очередь пониманием их авторами соотношения сталинизма и коммунизма, осмыслением ими основных причин культуры личности.

Произведения лагерной прозы разделяются на две достаточно цельные и противопоставленные друг другу группы. Книги первой группы можно обозначить как «антикультовые» произведения: «Пережитое» Б. Дьякова, «Самородок» Г. Шелеста, «Барельеф на скале» А. Алдан-Семенова и др. Их авторы стремятся развенчать культ личности Сталина, но не критикуют саму коммунистическую идеологию и, соответственно, советский строй. Эти книги можно отнести к официальной литературе, они не нарушают государственных установок 60-х годов XX века. Произведения второй группы («Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского и др.) развенчивают не только культ личности, но и саму коммунистическую идеологию, а значит, и советский строй. Их можно назвать диссидентскими.

«Лагерная проза», порожденная напряженным духовным стремлением ее авторов осмыслить итоги катастрофических событий, происходивших в России на протяжении XX столетия, — явление уникальное не только в русской, но и в мировой литературе. Первыми об ужасах лагерей рассказали очевидцы, те люди, чей необычайно емкий духовный потенциал не дал сломаться, позволил выжить. Отсюда и тот нравственно-философский накал, сила противостояния, вера в торжество человеческого духа, которые заключены в книгах бывших узников ГУЛАГа И. Солоневича, Б. Ширяева, О. Волкова, А. Солженицына, В. Шаламова, А. Жигулина, Л. Бородина, Л. Разгона, С. Газаряна, Е. Гинзбург и др., чей личный творческий опыт позволил им не только запечатлеть ужас ГУЛАГовских застенков, но и затронуть «вечные» проблемы человеческого существования. В.А. Чалмаев в связи с этим указывает на то, что «две разные, но порой странно взаимодействующие стихии — каторга и культура» повлияли на многих писателей. Но влияние это не было одинаковым. «Есть писатели, которые и после каторги все же принадлежат больше литературе, даже беллетристике». К таким Чалмаев относит О.В. Волкова («Погружение во тьму»), В. Шаламова. Ряд писателей (В. Шукшин, В. Астафьев) «...не имея прямо каторжного опыта,

но, как и Солженицын, премного обязаны именно антилитературе каторги» [Чалмаев, 199, 211].

Живо описывая ужасы каторжной жизни, существования в условиях несвободы, авторы «лагерной прозы» не могли избежать изображения трагического в своих произведениях. Изображение трагического в литературном произведении имеет давнюю традицию, берущую начало еще в античной литературе в творчестве Эсхила, Софокла, Еврипида, где трагическое как эстетическая категория характеризует неразрешимый конфликт, развертывающийся в процессе свободного действия героя и сопровождающийся страданием и гибелью самого героя или его жизненных ценностей. Позже эстетическая категория трагического была продолжена в европейских литературах, находит свое достойное продолжение в творчестве Шекспира, Пушкина и Достоевского, в чьем воплощении эта категория достигает крайнего напряжения. В литературе XX века в силу политических событий трагическое превращается в доминирующую тенденцию творческого мышления, обуславливающего всю структуру художественного произведения. Особенно ярко эта тенденция проявилась в «лагерной прозе».

Лагерная тема вместила множество талантливых повестей, рассказов, мемуаров, исследований, сценариев, но ни одно литературное произведение не может целиком вобрать в себя все пласты лагерной жизни. То, что успели рассказать очевидцы навсегда останется в истории русской и мировой литературы Памятником стойкости человеческого духа. Художественный образ несвободы творили не только очевидцы, усвоив их опыт, к этой теме позже обратились и те писатели, которые не были в лагерях. Лагерная тема стала темой национального масштаба в русской литературе XX века. С точки зрения художественной ценности «лагерная проза» сложнее и глубже мемуарной и документальной литературы, поскольку рождается не из воспоминания, а из живого человеческого страдания, что требует особенного изображения. Бесспорный нравственно-философский потенциал лагерной прозы предопределен страстным желанием осмыслить личный трагический опыт пребывания в ГУЛАГе и связь этого опыта с трагической судьбой России XX в. По этому поводу В. Лакшин писал: «Художественные и документальные отражения неволи — аресты, тюрьмы, лагеря предстали неисчерпаемо разнообразными, ... открыли в литературе новый и сильный пласт трагических впечатлений, оказавшихся в известном смысле богаче тем «воли» [Лакшин, 1994, 277].

Царство лагерной несвободы одинаково жестоко ко всем своим обитателям: здесь равно бесправны и потомственные дворяне, чудом уцелевшие в России, и скромные интеллигенты, и трудолюбивые крестьяне. Безмерная личная боль за трагическую судьбу сотен тысяч крестьян, неизвестно за что попавших в ГУЛАГ, пронизывает книгу О. Волкова «Погружение во тьму» и книгу И. Солоневича «Россия в кон-

цлагере». Эти произведения проникнуты состраданием к судьбе народной, что всегда отличало подлинного российского интеллигента. Соприкосновение с чудовищной несправедливостью заставляет авторов этих книг забыть о собственных личных обидах и невзгодах, которые начинают казаться мелкими и нестоящими перед лицом избитого в кровь тюремщиками крестьянина, на котором испокон веков держалась земля русская. Унижение крестьянства олицетворяет унижение всей России, которая не может защитить своих преданных сыновей. Размышляя о виновниках, повергших страну в пучину ужасов и страха, О. Волков, И. Солоневич вспоминают тех многочисленных политэмигрантов, которые начали слетаться в Россию после революции, чтобы приняться за устроение ее судьбы. Обрекая на мучения и гибель ни в чем не повинных тружеников, коренных жителей страны, ее кормильцев, эти «экспериментаторы» не предполагали, что им самим в скором времени предстоит испытать на себе действие адской машины, ими же приведенной в действие и уничтожившей тысячи безвинных жертв.

Лагерная тема характеризуется множеством различных жанров. Кроме повестей и рассказов в «самиздате» распространялись и воспоминания бывших узников, которым довелось лично пережить весь кошмар существования в условиях несвободы. Воспоминания Н.Я. Мандельштам стоят особняком в мемуарной лагерной литературе, поскольку вдова поэта О. Мандельштама не только откровенно повествует о его аресте и гибели, но и беспощадно судит российскую интеллигенцию, «соблазненную» советской властью, уверовавшую в то, что для торжества коммунизма оправданы любые средства. Н.Я. Мандельштам с горечью пишет о многих хорошо знакомых ей писателях, приспособившихся к советскому режиму. Легкость, с которой они расставались с внутренней свободой и чувством собственного достоинства, автор объясняет не только страхом, но и глубинными особенностями русской культуры, где личность никогда не воспринималась как высшая ценность. Когда же было утрачено еще и религиозное чувство — началось одичание, стал возможен революционный и сталинский террор.

Официальная советская пропаганда, начиная с периода «оттепели», утверждала, что насилие и произвол остались в прошлом. Многие и в СССР и на Западе верили в это, считая, что сталинский террор был всего лишь «искажением» принципов социализма. Сокрушительный удар подобным иллюзиям нанесла книга А. Марченко «Мои показания», в которой сдержанным и почти бесстрастным тоном автор рассказывает о лагерном быте. Узников терзают муки голода, их избивают надзиратели, они сходят с ума, калечат в знак протеста собственное тело. Некоторые специально бросаются на колючую проволоку, чтобы прервать нечеловеческие муки. Опять, как и в Омском остроге Достоевского, смерть становится выходом на свободу.

Повесть В. Гроссмана «Все течет» впервые рассказывает о страшном голоде на Украине в начале 30-х гг. Автор не сводит все беды, выпавшие на долю своего героя — реабилитированного зека, — к фигуре Сталина, а показывает как насилие, неизбежное в условиях несвободы, порождает цепь нового зла и нового насилия.

Повесть Владимира Маканина «Буква А» — нечто вроде притчи, в которой показана лагерная зона, символизирующая общество в условиях несвободы. Заключенные лагерники в редкие свободные минуты месяцами, день за днем вырубают на отвесе скалы букву «А». Уже никто и не помнит, какое слово они хотели вырубить, смысл их действий совсем не в этом. Со временем это занятие, бессмысленное на первый взгляд, превращается в основу их существования, в некий магический ритуал, помогающий хоть на время забыть об опостылевшей неволе. В особом хронотопе, включающем в себя некое «настоящее и прошлое» или «прошлое, длящееся в настоящем» время и замкнутое лагерное пространство, разворачивается страшное действие. Постепенно строгий режим в лагере ослабевает, увеличивается пространство свободы для заключенных. Но долгожданная эта свобода не приводит ни к чему хорошему, а наступившая безбрежная вольность порождает хаос. Освобожденные лагерники убивают друг друга, крушат сторожевую вышку. Заканчивается все это разгулом зеков на воле — сначала повальным воровством, затем сносом колючей проволоки. Напрашивается вывод о том, что когда нет условий для подлинной свободы человеческой личности, когда идет подмена нравственных ориентиров, наступает всеобщий «беспредел». Сокрушение «колючей проволоки» и «железного занавеса» привело к разгулу преступности. Никакого просвета, никакой перспективы ни для народа (зеков), ни для страны в целом (лагерь после воли).

«Повесть о прожитом» В. Зубчанинова восполняет и продолжает лагерную тему, в чем-то являясь и послесловием к ней. Публикация этой повести состоялась только после смерти автора в журнале «Октябрь» (№ 6, 1997). Виднейший ученый-экономист, профессор, прошедший двадцать лет в лагерях, в своей работе пытается понять и прояснить страшную историю тех лет. Автор освещает светом собственной души страшные годы ссылки, он верит в своего читателя и считает себя ответственным перед ним. Несмотря на страшные годы неволи, автор верит в воскрешение человеческого духа, призывает читателя к пониманию судьбы народа, что роднит его с Солженицыным. Зубчанинов описывает пережитое как увиденное, важнее для него не знать, а чувствовать — не судить, а понимать.

Зубчанинов пишет историю лагерной Воркуты, воскрешая десятки безвестных человеческих имен и подвиг многих тысяч людей, расставшихся с жизнью в этих суровых краях. Читатель получает возможность узнать подлинную историю «кашкетинских расстрелов» и «ретюнинского восстания» на Усть-Усе. Кашкетинские расстрелы на Воркуте

и гагаринские на Колыме — самые зловещие и массовые случаи истребления заключенных в Гулаге. Правду о гагаринских расстрелах написал Шаламов, факт массовых расстрелов на Воркуте расследовал и запечатлел в «Архипелаге» Солженицын, но рассказ Зубчанинова сообщает такие подробности, которые уточняют эти события и окрашивают их новой тональностью. В повести впервые разоблачаются до конца Нафталий Френкель и Яков Мороз — почти оставшиеся тайной лагерные генералы, хозяева Гулага, которых Зубчанинову довелось увидеть воочию.

Событием для культурной жизни России прошлого века стала написанная в лагере книга Д. Андреева «Роза мира», в которой автор также приходит к выводу, что идея государственности вошла в нашу плоть, культуру, что государство всегда цементировало общество на принципе насилия, ибо уровень нравственного развития человека, необходимый, чтобы цементировать общество на каком-либо другом принципе, никогда не был достигнут: «Государство до сих пор остается единственным испытанным средством против социального хаоса».

Задача, по словам Д. Андреева, в том, чтобы рассматривать социальные преобразования не как нечто внешнее, заранее обреченное на неудачу, но «ставить их в неразрывную связь с совершенствованием внутреннего мира человека». Вот почему необходимо, чтобы во главе общественного устройства стояли достойнейшие праведники, ибо праведность есть «высшая ступень нравственного развития человека». Только когда государство будет заботиться о каждом своем члене, создавать необходимые для развития его духовного, нравственного и физического потенциала возможности, противостоять любому насилию над личностью, только тогда возможна истинная свобода каждого человека, а не ее суррогат.

В романе И. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные» примечательна финальная сцена: конвойный Косым, охраняющий заключенных в одном из сибирских концлагерей, пытается склонить к сожительству красивую русскую девушку Лелю Нелидову. Внучка сенатора, получившая блестящее воспитание, интеллигентная, утонченная, целомудренная натура, она попала в лагерь по пресловутой 58-й статье. Ни болезненная изможденность, ни лагерная роба не могли скрыть ее красоты. Возможность сожительствова с охранником означала для узницы более легкую работу, лишний кусок хлеба и послабление со стороны конвоя. Иными словами, представлялась возможность физически выжить в нечеловеческих условиях Гулага. Ясно сознавая, что отказ от сожительства равносильен смерти, Леля выбирает последнее. По дороге на работу, она выбегает из строя и бросается к лесу, имитируя побег. И тут же падает, сраженная пулей Косыма, поклявшегося отомстить в случае ее отказа. Опять, как в Мертвом доме Достоевского, смерть становится выходом на свободу, возможностью избежать унижения, несовместимого с жизнью.

Возникнув как результат социально-политического феномена, лагерная литература в Советском Союзе с момента своего возникновения стала фактором политики. Новизна и эмоциональная нагруженность, наложившись на форму изложения, если иметь в виду произведения, написанные теми авторами, которые сами отбывали срок в лагерях и тюрьмах, — породили феномен восприятия лагерной литературы как литературы сопротивления. Позиция, автоматически занятая лагерной литературой по отношению к властям (и наоборот), сделала ее литературой запрещенной. Во многом благодаря этому вся лагерная литература воспринималась читателями как единое целое. Связь по ассоциации поставила «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова и «Крутой маршрут» Е. Гинзбург в один ряд с запретными книгами Джиласа и Авторханова, Амальрика и Померанца. За хранение «Колымских рассказов» и «Хроники текущих событий» полагался один и тот же срок заключения. Большинство читателей и сегодня воспринимает лагерную литературу, как документ, свидетельствующий о страшных событиях недавней истории, а не как художественные произведения.

Вопрос о художественной принадлежности лагерной литературы в целом заслуживает особого рассмотрения, однако, нам кажется, что общность темы и личного опыта авторов не подразумевает жанровой однородности. Мы полагаем, что лагерную литературу следует рассматривать не как единое явление, а как объединение произведений, разных и по художественным особенностям, и по жанру, и по тематике. Анализируя литературное произведение, необходимо отталкиваться от эстетических критериев, учитывая при этом то, что авторы лагерной литературы не могли предвидеть, что большинство читателей воспримет их произведения, как литературу свидетельства, как документ, повествующий о страшных событиях недавнего прошлого. Тем самым характер прочтения непосредственно воздействует на представление о художественных свойствах произведения.

Значение «лагерной прозы» в современном литературном процессе определяется тем, что она позволяет глубже осознать явления, происходящие в современной действительности. Знакомство с «лагерной прозой» убеждает, как неисчерпаемы психологические глубины человека, способного не только на духовный взлет, но и на разнообразные формы морального падения. При всем эстетическом разнообразии и стилиевой разноплановости «лагерная проза» пронизана мыслью, что в кровавых событиях XX в. виновен и сам человек, оказавшийся не столь совершенным, как декларировали многие писатели — классики. Современные зарубежные и отечественные писатели, размышляющие о тюрьме, о каторге, о положении человека в условиях несвободы считают эту проблему не потерявшей своей актуальности и сегодня, поскольку и сегодня человеческая психика в условиях несвободы претерпевает те же изменения.

Несвободу невозможно оправдывать, бесполезно осуждать, опасно испытывать в отношении к ней романтические иллюзии. Её закон — убивать человеческое в человеке. Отвратительный закон унижения и уничтожения самой сущности человеческого мироздания.

Литература

Художественные тексты

1. Андреев Д. Роза мира. — М.: Эксмо, 2017.
2. Головкина (Римская-Корсакова) И. Победенные. Имперская традиция. — М., 2004.
3. Гроссман В. Все течет. — Серия: Русская классика. — М.: Эксмо, 2010.
4. Зубчанинов В. Повесть о прожитом // Октябрь. — 1997. — № 7, 8.
5. Маканин В. Буква А // Новый Мир, 2000.

Учебная литература

1. Бенедиктов Н.А. Очерк развития отеч. филос. мысли: учеб. пособие / Н.А. Бенедиктов, С.П. Макарычев, Е.Н. Шаталин; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород Изд-во Нижегород. ун-та, 1993.
2. Бердяев Н.А. Опыты философские, социальные и литературные. — М.: Реабилитация, Канон +, 2002.
3. Бойко С.С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа // Новый филологический вестник. — М., 2015. — №3(34). — С. 65–81.
4. Лакшин В. Я. Берега культуры. — М.: Мирос, 1994.
5. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. — № 2 (62) Т. 4. — С. 169–174.
6. Чалмаев В.А. Александр Солженицын: жизнь и творчество: книга для учащихся / В.А. Чалмаев. — М.: Просвещение, 1994. — 287 с.

Задания к практическим занятиям

1. Найдите в произведениях о каторге и ссылке, написанных во второй половине прошлого века отражение следующих принципов «новой прозы»:
 - «герои «новой прозы» — мученики, не бывшие, не умевшие и не ставшие героями»;
 - «здесь взяты люди без биографии»;
 - «лагерная жизнь разрушает привычные нравственные и культурные механизмы»;
 - «всё, что выходит за документ, уже не является реализмом, а является ложью».
2. Напишите эссе на одну из предложенных тем:
 - «Собственная кровь, собственная судьба — вот требование сегодняшней литературы» (В. Шаламов).
 - «Я летописец собственной души, не более» (В. Шаламов).
 - «Формула моей жизни — сопротивление злу!» (В. Шаламов).
 - «Я мечтал стать Шекспиром, но лагерь всё сломал» (В. Шаламов).
 - «Я — там, где боль, я — там, где стон» (В. Шаламов).
 - «На свете нет ничего более низкого, чем намерение забыть эти преступления» (В. Шаламов).

ЛИТЕРАТУРА КО ВСЕМ ТЕМАМ

1. Акелькина Е.А. Записки из Мертвого дома Ф. М. Достоевского: Пример целостного анализа художественного произведения: учеб. пособие для студ. филол. фак. — Омск: Изд-во Омскогогосун-та, 2001 . — 32 с.
2. Акелькина Т.И. Некоторые особенности повествования в «Записках из Мертвого дома» // Проблемы метода и жанра. — Вып. 7. — Томск, 1980. — С. 92–102.
3. Акулова Л. В. Тема каторги в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX века. — М., 1988.
4. Акулова Л.В. Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов: (Традиции Достоевского в творчестве Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988. — 24 с.
5. Альтман Б. Достоевский: по векам имен. Саратов: Изд-во Саратов. Унта, 1975.–279 с.
6. Андреев Ю. Размышления о повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в контексте литературы начала 60-х годов // Радуга (Киев). — 1991. — №6. — С. 109–117.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. — М.: Сов. Россия, 1979. — 320 с.
8. Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского постмодерна). — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун., 2001. — 407 с.
9. Бердников Г. П. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. 3-е. изд., дораб. — М.: Худож. лит., 1984. — 511 с.
10. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире: К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. — М.: Республика, 1994. — С. 320–435.
11. Битов А. Новый Робинзон: (К 125-летию выхода в свет «Записок из Мертвого дома») // Знамя. — 1987. — Кн. 12. — С. 221–227.
12. Вайнерман В. Достоевский и Омск. — Омск. кн. изд-во, 1991. — 128 с.
13. Василевский А. Страдание памяти // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. — Вып. 3. — М.: Сов. писатель, 1991. — С. 75–95.
14. Васильева О. В. Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50–80-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. — Вып. 4. — 1996. — С. 54–63.
15. Воздвиженский В. Путь в казарму // С разных точек зрения: Избавление от миражей: Соц-реализм сегодня. — М.: Сов. писатель, 1990. — С. 124–147.
16. Вознесенская Т. Лагерный мир Александра Солженицына: тема, жанр, смысл // Литературное обозрение. — 1999. — №1. — С. 20–24.
17. Волков О.В. Погружение во тьму. — М.: Сов. Россия, 1992. — 432 с.
18. Волков О.В. Путь к спасению: Беседа с русским писателем О. Волковым / Записал А. Сегень // Наш современник. — 1991. — №4. — С. 130–133.

19. Волкова Е. В. Поединок слова с абсурдом // Вопросы литературы. — 1997. — №6. — С. 3–55.
20. Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М.: Республика, 1998. — 176 с.
21. Гайдук В.К. А.П. Чехов, русская классика и Сибирь // О поэтике Чехова. — Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1993. — С. 59–65.
22. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. т. Т. 5 — М.: Юридическая литература. — 540 с.
23. Гиголов М. Г. Эволюция героя-рассказчика в творчестве Ф. М. Достоевского 1845–1865 гг.: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Тбилиси, 1984. — 24 с.
24. Гинзбург Е. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности / Евгения Гинзбург. — М.: Сов. писатель, 1990. — 601 с.
25. Громов Е. Трагический художник России // В. Шаламов Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе. — М.: Республика, 1996. — С. 5–14.
26. Державин Н. С. «Мертвый дом» в русской литературе XIX века. — Пг., 1923. — 28 с.
27. Ермакова З. П. «Остров Сахалин» А. П. Чехова в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына // Филология. Саратов, 1998. — Вып. 2. — С. 88–96.
28. Есипов В. Норма литературы и норма бытия: Заметки о писательской судьбе Варлама Шаламова // Свободная мысль. — 1994. — №4. — С. 41–50.
29. Ильин И. А. Путь духовного обновления / Ильин И. А. Соч. в 2-х т. Т. 2: Религиозная философия. — М.: Медиум, 1994. — С. 75–302.
30. Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. — Казань.: Изд-во Казан, ун-та, 1975. — 166 с.
31. Карякин Ю.Ф. Достоевский в канун XXI века. — М.: Сов. писатель, 1989. — 650 с.
32. Латынина А. Крушение идеократии: От «Одного дня Ивана Денисовича» к «Архипелагу ГУЛАГ» А. И. Солженицына // Литер. обозрение. — 1990. — №4. — С. 3–8.
33. Лифшиц М. О повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»; О рукописи А.И. Солженицына «В круге первом» // Вопр. лит. — 1990. — №7. — С. 73–83.
34. Мишин И. Т. Художественные особенности «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // Ученые записки Армавир, пед. ин-та. Т. 4. — Вып. 2., 1962. — С. 21–42.
35. Молчанова Н. Потенциал жанра: К вопросу о жанрово-стилистических особенностях рассказов В. Шаламова // Вестник Московского ун-та. Сер.: История, языкознание, литературоведение. — 1990. — №4. — С. 107–110.
36. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. — Paris, 1980. — 230 с.
37. Муравьев Н.В. Наши тюрьмы и тюремный вопрос // Русский вестник. — 1878. — Т. 134. — С. 481–517.
38. Мурин Д. Н. Один час, один день, одна жизнь человека в рассказах А. Солженицына // Литература в школе. — 1990. — №5. — С. 103–109.
39. Некрасова И. В. Варлам Шаламов прозаик: Поэтика и проблематика: автореф. дис. ... канд. филол. Наук. — Самара, 1995. — 15 с.
40. Переписка В. Шаламова и Н. Мандельштам // Знамя. — 1992. — №2. — С. 158–177.
41. Письма Варлама Шаламова Александру Солженицыну // Знамя. — 1990. — №7. — С. 77–82.
42. Поссе В. Журнальное обозрение / Л. Мельшин. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника // Русское богатство. — 1912. — Кн. 10. — С. 56–75.
43. Принцева Г.И. Сахалинские произведения А. П. Чехова начала и середины 90-х гг. (Идеи и стиль): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1973. — 18 с.
44. Сиротинская И. О Варламе Шаламове // Литер. обозрение. — 1990. — № 10. — С. 101–112.
45. Скабичевский А.М. Каторга 50 лет тому назад и ныне // Скабичевский А. М. Критические этюды, публикации, очерки, литературные воспоминания. В 2-х т. Т. 2. — СПб., 1903. — С. 685–745.
46. Сохряков Ю. Нравственные уроки «лагерной» прозы // Москва. — 1993. — № 1. — С. 175–183.

47. Струве Н. Солженицын // Литер. газета. — 1991. — №28.
48. Сурганов В. Один в поле воин: О книге А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» // Литер. обозрение. — 1990. — №8. — С. 5–13.
49. Сухих И. Н. «Остров Сахалин» в творчестве А. П. Чехова // Рус. лит., 1985. — №3. — С. 72–84.
50. Телицына Т. Образность в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына // Филологические науки. — 1991. — №5. — С. 17–25.
51. Тимофеев Л. Поэтика «лагерной прозы» // Октябрь. — 1991. — № 3. — С. 182–195.
52. Трудные вопросы Кенгира: По страницам «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына // Октябрь. — 1990. — №12. — С. 179–186.
53. Френкель В. В круге последнем: Варлам Шаламов и Александр Солженицын // Даугава. — Рига, 1990. — № 4. — С. 79–82.
54. Чалмаев В. А. Солженицын. Жизнь и творчество. — М.: Просвещение, 1994. — 246 с.
55. Чехов А. П. Остров Сахалин // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения в 18-ти т. Т. 14–15. — С. 41–372.
56. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. — М.: Современник, 1991. — 526 с.
57. Шаламов В. Т. Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе. — М.: Республика, 1996. — 479 с.
58. Шапошников В. От Мертвого дома до ГУЛАГа: (О «каторжной прозе» XIX–XX вв.) // Дальний Восток. — 1991. — № 11. — С. 144–152.
59. Шерешевский Л. Ад остается адом // Литер. обозрение. — 1994. — № 5/6. — С. 91–94.
60. Шкловский Е. Правда Варлама Шаламова // Дружба народов. — 1991. — № 9. — С. 254–263.
61. Шумилин Д. А. Тема страдания и возрождения личности в «Архипелаге ГУЛАГ» // Литература в школе. — 1998. — №8. — С. 36–43.
62. Ядринцев Н. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. — 1875. — Т. 11–12. Т. 11. — С. 283–312; Т. 12. — С. 529–550.

Учебное издание

М.Ю. ЧОТЧАЕВА И.В. КЛЮЧНИКОВА

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
свободы личности в произведениях
современной русской литературы**

Издательство «Дизайн-студия Б».
г. Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88. Тел. (8652) 75-06-09.

ГБОУ ВО
«Ставропольский государственный педагогический институт».

Сдано в печать 25.12.2017. Усл. печ. л. 6,41. Гарнитура Georgia.

Отпечатано в типографии ООО «Дизайн-студия Б».
Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88.

В учебном пособии рассмотрено творчество авторов, в произведениях которых проблема свободы и несвободы личности в культурологическом и историко-литературном контекстах имеет ключевое значение. Предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов, учителей-словесников.